

СМЕНА

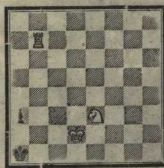
ШАХМАТЫ

Пятый конкурс решений

Под редакцией Л. ГУГЕЛЯ

Задача № 44

А. П. Кузнецова
(Москва)

Мат в 3 хода

Задача № 45

В. Забелина
(В. Устюг)

(Из нашего международного конкурса)

Белые: Крф8, Фb8, Ch1, Kd4, e6, п. c3, d1, f5. Черные: Крd3, Фg2, Са6, Кf7, пb3 (8)

Мат в 2 хода

Этими композициями открывается наш пятый конкурс решений. В него включены задачи и этюды, которые будут печататься в «Смене» до конца 1932 г.

Срок присылки решений — полтора месяца со дня выхода журнала.

ЗАДАЧНЫЕ ТУРНИРЫ «СМЕНИ»

● Закончился задачный турнир № 1 (двухходовки на произвольные темы). Результат его виден из таблицы. Судья турнира Л. Гугель. Первую премию за лучшую задачу получила А. Биленико (задача № 47).

Бел.: Крf1, Фa2, Лb8, Сb4, e6, Каb, п. b3, d6 (8). Черн.: Крa6, Фa8, Лa7, Сd1, п. b7 (5) (мат в два хода).

*) Jede задачи входит в конкурс решений.

Этюд № 8

Л. А. Найева
(Уфа)

Белые, начин л, выигрывает

Задача № 46

А. Н. Лебедева
(Ташкент)

Белые: Крb3, Фh3, Лg4, g1, Сb1, d8, Кf3, п. c5, d7, f6, h7. Черные: Крe6, Фh2, Лf, п. a7, e2, g3 (6)

Мат в 2 хода

Три участника конкурса, правильно решившие наибольшее количество задач и этюдов, будут премированы. Значет очками за решения обычных: двухходовка — 2 очка, трехходовка или этюд — 3 очка, указания побочного решения или нерешаемости — 2 очка.

вторую премию получила А. Кузнецова (задача № 48). Бел.: Крf1, Фc5, Лb3, e6, Сd8, Кd7, f7, пb5 (8). Черн.: Крb6, Лa6, g3, п. a4, f3, f4, g7 (7) (мат в два хода).

● Для зачисления в турнир следует сообщить краткие сведения о себе и свой точный адрес, по которому будет выслано подробное Положение о задачно-этюдных турнирах. После знакомства с ним производится окончательное зачисление.

РЕЗУЛЬТАТ 1-ГО ЗАДАЧНОГО ТУРНИРА

№	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	Итого	Место
1	А. Биленико (Полтава)	1/2	1	1	1	1	1	1	1	9 1/2	I
2	М. Уткина (Москва)	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	6	II
3	А. Кузнецова (С.-К. край)	0	1/2	1	1	1	1	1	1	5 1/2	III
4	А. Г. Ляев (Пенза)	0	0	0	1	1	1	1	1	5 1/2	IV
5	В. Чебанов (Москва)	0	0	0	0	1	1	1	1	3	V
6	В. Чернышова (Фастов)	0	0	0	0	0	1	1	1	2	VI
7	М. Ларин (Москва)	0	0	1/2	0	0	0	1	1	1 1/2	VII
8	В. Баранский (Миропольск)	0	0	1/2	0	0	0	0	1	1	VIII

К НАШИМ КОНКУРСАМ

Вследствие переуговаривания выхода отдела конкурса составлены задачи и этюды не смогли охватить достаточного количества композиций. Поэтому редакция считает целесообразным продать конкурс дружно-

ловок (судья Л. Лопиский), трехходовок (судья В. И. Шиф) и этюдов (судья А. С. Турин) до марта 1933 г.

Четвертый конкурс решений считается законченным. Результат его будет опубликован в следующем номере.

СИМГР СИЛЬНЕЕ АЛЕХИНА

«Ишь ты, новый Алехин!» — часто можно услышать по адресу отлаженного шахматиста. Даже не играющего в шахматы хорошо знакомо это имя. Еще бы, ведь Алехин — чемпион мира. Это значит, что на всем земном шаре нет игрока, равного ему по силе игры (последнее утверждение впрочем довольно относительно, ибо буржуазная действительность необычайно тесно переплетает шахматное искусство с долларом и франком. Так например для ослепления звания чемпиона мира мало одного шахматного таланта — нужно иметь еще и тысяч десять долларов).

Как же играет Алехин, чемпион мира? «Никогда не проигрывает» — уверенно ответят многие поклонники его шахматного таланта. Так ли? Нет такого игрока, который бы был застрахован от нежиданного проигрыша. И в том числе самим Алехиным.

Напомним один случай. Был он, правда, в 1914 г., когда Алехин не был еще чемпионом мира. Но уже тогда он был переконаным игроком, имеющим ряд крупнейших побед.

И вот на мюнхенском турнире в партии с мастером Брейером Але-

хин, игравший белыми, получил следующую позицию:

Ход белых

Положим, Алехин побил пеху: Сб5: f7. Между тем в этой позиции он мог быстро решить партию в свою пользу. И не так уже трудно найти это выигрышающее положение.

Найдите его. Как видите, вам предоставляется редчайший случай сыграть сильнее нынешнего чемпиона мира. Попробуйте, а высь удастся. Фамилия выигрывающего худа, которого не знает Алехин, будет напечатана.

ПОБЕДИТЕЛЬ — НАТАША ЛОБАНОВА

Третий конкурс решений (октябрь — декабрь 1931 г.) включил в себя 17 задач и 2 этюда. Максимальное количество очков за решение этих композиций — 45.

Около ста человек начали конкурс. Постепенно, шаг за шагом и труднее и труднее становились задачи, многие участники начали отставать. Вперед вырвалась небольшая группа сильных решателей. А к концу конкурса, блестяще преодолев все трудности (особенно много было их в № 34—39), с максимальным количеством достижением пришел один участник (точнее, участница) — Наташа Лобанова (Летское село), одна из сильнейших Ленинградских шахматисток. Она набрала все 45 очков.

Рядом с победительницей конкурса все время шла: дальневосточник Д. Смирнов (из г. Свободного) и Р. Литтес (село Савельево, Свердловского р-на), но они не преодолели всех «эрофактов» № 34—35 и в результате оказались на 2—3-м месте, имея по 43 очка.

Н. Пранкович (г. Ленинск-Кузнецкий), набравший 42 очка, занял 4-е

место. На 5-м месте — активнейший участник: выс соревнований «Смены» П. К. Кисин со ст. Ужур, Томской ж. д., набравший 40 очков.

Сразу же после завершения турнира К. Гурович (Москва) и А. Гайдаманов (Омск), имеющие по 38 очков, П. Я. Фаерман (Запорожье-Каневское) и М. Е. Косовлов (Москва) — 37 очков, Ю. С. Целлербай (Казань) — 36 очков, Н. Вахрушев (Харьков), Н. Житомирский (Гомель), Я. М. Луцкий (Харьков), И. Коган (Ташкент) — по 35 очков.

Еще при подсчете итогов второго конкурса мы отмечали быстрый рост новых кадров. Результат настоящего конкурса блестяще подтверждает это: под сильным напором совершенно новых, доселе неизвестных шахматному миру решателей, не смог устоять никто из десяти победителей первого конкурса. Так например Н. Вахрушев, Я. Луцкий, сильные решатели, блестяще победившие в первом конкурсе, уже в следующем конкурсе поделили пальму первенства с четырьмя «новичками» решателями, а в третьем конкурсе оказались отброшенными за пределы первого десятка.

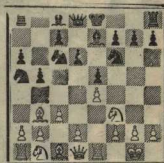
ЧИТАТЕЛИ «СМЕНИ» — МАСТЕР РОМИН

В партии читателей «Смены» (белые) против одного из сильнейших советских шахматистов мастера Роминя (черные) сделана следующая ходы:

1. e2 — e4 e7 — e5
2. g1-f3 Kf8 — e6
3. Cf1 — b5 a7 — a6
4. Сb2 — a4 Сb8 — b5
5. O — O Сb8 — e7
6. Jf1 — e1 b7 — b5
7. Сa4 — b3 d7 — d6
8. e2 — e3 Кс6 — a5

Каждый читатель должен прислать (можно даже дополнить письмом) ход который по его мнению нужно сделать. Принимается ход, присланный большинством читателей. Ответ мастера Роминя рассылается всем товарищам, приславшим свой предложение. То же касается срока доклад. Ответ и т. д. Фамилия товарища, ход которого принимается, будет печататься.

Черные: М. М. Ромин

Ход белых

Белые: читатели «Смены»

В настоящий момент в игра против Т. Роминя принимает участие свыше 400 человек.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический и
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издание «Понедельник»

№ 21-22

1 9 3 2

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 4-51-54

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТОВАРИЩ СТАЛИН—ВОЖДЬ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА!

Тов. Сталин приветствует демонстрацию на Красной площади в день 16-летия Октябрьской революции

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки:

- Н. БОГДАНОВ — Рассказ о ба-
шенном кране 5
- М. ПРИШВИН — Реликтовый
край 8
- М. ГОЛЬДБЕРГ — Соседи . . . 12
- М. РОЗЕНФЕЛЬД — Искатели
голубого камня 14
- Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ — Кам-
пания 18
- В. ШНЕЙДЕРОВ — Тянь-Шань 20
- М. КАСВИНОВ — Панихида по
смере 24

- Д. ЛЕБЕДЕВ — Кольбель обще-
человеческой культуры . . . 26
- В. КОЖЕВНИКОВ — Прыжок с
неба 28

Стихи:

- Е. АБРОСИМОВ — Назвочки 13
- Г. КРАВЧЕННО — Диспетчер 22
- Я. БЕЛИНСКИЙ — Нам цветут
иные розы 22
- А. ЖАРОВ — Эпиграмма „Лег-
ка на помине“ 25
- АСТАНИН — Старому намен-
цику 26

- Г. БЛАГОВ — Я выхожу на
сцену 27
- В. ГУСЕВ — Катя Белова . . . 29

Рисунки:

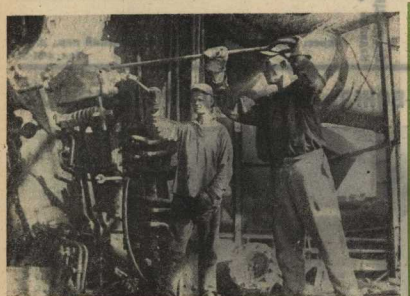
В. Константинова, В. Конова-
лова, Г. Берендгофа, В. Мед-
ведева и Соифертна

- Шахматы 2
- Комсомол на фронте стройки 4
- Новая картина Ф. Богородско-
го 11
- „Октябрь“ 16-17
- А. ЖАРОВ — Лаборатория
творчества 23
- Военно-тантические игры . . . 31
- Бытовая консультация . . . 39

Фото:

М. Поншилина, Родчанин, Ску-
рихина, Хана и Союзфот
На обложке — грандиозная ок-
тябрьская демонстрация в
Москве. Колонны демонст-
рантов на площади Пушкина

КОМОСОЛЫ

ТОРФ—ПРЕКРАСНОЕ ТОПЛИВО ДЛЯ ДОМЕН

Только что закончен опыты выплавки чугуна на торфе на Косогорском заводе близ Тулы. Теперь можно с уверенностью сказать, что торф годен для домен как самостоятельное топливо.

Опыты выплавки чугуна на торфе-топливе не производились нигде в мире. Торф до сих пор считается совершенно негодным продуктом для домен. Применение торфа-топлива расширит нашу топливную базу еще тем, что торф является

материалом возобновляющимся, отличие от каменного угля. Комсомольские комитеты Косогорского завода организовали производственную бригаду из лучших доменщиков по освоению процесса толки домен торфом. Их опыт будет передан на все домы Советского союза. К работе бригады привлечен главный организатор выплавки чугуна на торфе-ниж. Вавилов.

На снимке: бригада доменщиков за работой.

ПУЩЕНА НОВАЯ МАРТЕНОВСКАЯ ПЕЧЬ

Комсомолец сталеварного цеха Ураламстрой пережил напряженные дни: рождался новый, последний по счету, мартен мощностью в 65 тонн, праздничный исключительно для выплавки ответственных марок высококачественных сталей, для ряда новостройских и реконструируемых гигантов.

Комсомольские бригады встали ответственные места выпускных работ и объявили между бригадами соревнование по срокам и чистоте работы.

Поздней ночью 8 октября разогудела спина комсомольца Воробьева, лучшего бригадира лучшей мартеновской бригады. Закончилась вся работа печи, и коллективы приступили к загрузке нового мартеновского шихты.

Первая теплота нагрела конусы холодных стел мартена, и через две надатки часов из мартена пошел металл.

Пуск нового мартена — звучит от комсомольцев сталеварного цеха Ураламстрой на постановлении ЦК партии от 3 октября о черной металлургии.

На снимке: ударник стали, молодой сталевар т. Кашин.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС „СМЕНИ“

На заседании организатора олимпиады советских писателей была задана задача т. В. Березовского о творческих соревнованиях, литературных олимпиадах и литературном конкурсе «Смены» и других журналов. Председатель организатора предложил соревнование и конкурс писателей в комсомольской и профсоюзной. К истинному времени на комсомольских предприятиях идет борьба в рамках литературного конкурса завода «Электротрактор».

На том же заседании председатель утвердил жюри конкурса в составе: Маслова Горького, Громыко, Веселова Ивана, Пашерова, Веселова Сергея, Жига, Губинина, Галкина, Давыдова, Угасева, Бурина, Величина, Марченко и М. Березовского.

Для проведения конкурсов работ и литературных конкурсов отпущено 10 тысяч рублей.

Первый приз удостоился имени Маслова Горького.

Редакция «Смены» получила уже на конкурс около двух десятков рукописей, главным образом — прозаических. Прием рукописей на конкурс будет продолжаться до 1 мая 1956 г. Литературные конкурсы, установленные в конкурс должны привлекать внимание и редакция.

НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

ДОЛОЖ С ПРОКАТЫХ СТАНКОВ ВЕРЕВКИ

Тяжелая металлургия, и в первую очередь!

Да, самые обыкновенные веревки скрепляли изношенные, разобитые части прокатных станков на Ураламстрой. Эти веревки отрядали всю кость комсомольцев Краматорского завода — поставщика запасных частей для прокатных валов Ураламстрой.

Прокат — одно из основных звеньев в работе металлургии. Из-за недостатка новых запасных частей программа по прокату на Ураламстрой ежедневно выполнялась только на 50—60 проц.

Веревки удерживали темпы проката!

Комсомольцы Краматорского завода и Ураламстрой протащили друг другу руки. Призыв комсомольцев Ураламстрой к краматорцам был принят комсомольцами Краматорского завода, и на место презренных веревок на прокатные станы Ураламстрой сели блестящие шестери, настоящие герои комсомольцев Краматорского завода. Из отсталого участка метал-

лургии прокат становится в ряд передовых цехов Ураламстрой. На снимке: комсомолец Смирнов, лучший ударник прокатного цеха.

НА ПОБЕДУ ОТВЕЧАЮТ НОВОЙ ПОБЕДОЙ

Установка и сборка колошникового копра, газоходов и свечей — все это было только подготовительными работами, основными работами комсомольской бригады Гугуленко на постройке комсомольской домы № 3 в Магнитогорске. Восточные сухие ветры — омыли уже законченную сторону домы.

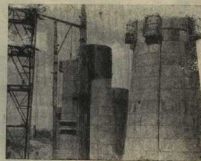
Испытание на доме комсомольцы выдержали стойко, с непоколебимыми упорством.

Установка собранного моста — самая ответственная, заключительная работа по сборке домы. Мост собирали комсомольцы бригады комсомольца Гугуленко, и им сейчас торчучь подьем моста. Бригада обаялась с честью выполнить последнее почетное задание на сборке комсомольской домы № 3.

Беззаветность гугуленковцев вложила комсомольцев Магнитогорского коксохимкомбината, изготовляющего батареи коковых печей для магнитогорских домен.

Комсомольские бригады Федорова, Запайкина, Костюнова выжили и выжили в срок сначала

монтаж батарей № 5, а затем — монтаж батарей четной шеренги коковых печей. Это новое подкрепление магнитогорским домам — лучший отлет

комсомольцев коксохимкомбинатов на героическую работу комсомольской бригады Гугуленко на магнитогорской комсомольской доме. На снимке: общий вид домы № 3 Магнитогорского комбината.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ — КОМОСОЛЬЦАМ-ЛИСТОПРОКАТЧИКАМ

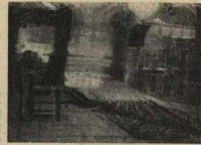
Комсомольцы листопрокатного цеха таганрогского завода им. Андреева из краевого слета ударных цехов поделились опытом своего успеха.

Их прокатный цех выполнял производственную программу текущих кварталов на 115 проц, снизил себестоимость на 49 проц.

Все комсомольцы поставлены на руководящие процессы листопрокатки. Слабой бригадой хвостачивается только рыхлость поставил каждого задуматься над рационализаторскими проблемами, брать каждую деталь работы под общественный контроль. Текучесть провала кустарный рынок в работе, она помогла овладеть всеми процессами производства.

Комсомольцы таганрогского листопрокатного цеха завода им. Андреева в ответ на свой показател-

ный опыт получили от краевого слета ударных цехов красное знамя.

На снимке: краснознаменный листопрокатный цех завода им. Андреева.

РАССКАЗ О БАШЕННОМ КРАНЕ

Итак, началось соревнование домен. Еще вчера скучно торчали рядом два бетонных фундамента, увчтаные соломой, и громады доломит уступлений, сегодня — звучит железный гул, во-вторых, трещине заделки, и трюмлет первые конструкции.

Комсомольский штаб решил вести работу американским способом — без лесов, при помощи лебедок. Сегодня — звучит железный гул, во-вторых, не требуются влотники и — третьих, работа пойдет быстрее.

Для этого необходимо было собрать башенный кран; средняя высота его должна подходить любую конструкцию на 45 метров.

Сборка его требовала много времени и материалов. На первой домене отмакнулись от крана. С — средние части его снимают подтянуть любую конструкцию на 45 метров.

Сборка его требовала много времени и материалов. На первой домене отмакнулись от крана. С — средние части его снимают подтянуть любую конструкцию на 45 метров.

А скелет башенного крана являлся разпростертой между двух домен, еще брестский и бесполозный. Правда, уже соединились угольника, плавки, железные части его, а все тело вздрагивало, дичиною оживить.

Но ребята не терпелись.

— Обгонюют нас, обгонюют! — готов был кричать каждый, и слово вело над ними, как страшное слово «обходить» на поле сражения. Оно бросает в панику стойкие части, и держались в гниле, под губительным огнем орудий, пулеметов, над страшной неизвестностью минных подкопов, бежали в панике от одного этого слова, пролетевшего, как страшная птица.

Ребята потеряли счет времени. С утра до ночи они клевали, собирали, закачивали и снова клевали, клевали, клевали...

В перелетях крана мерзали и части угольни заделок, непрерывно гасли и возникали.

В это горячее время и познакомились Романенко с Юрковским. Они позднее всех ушли и являлись всех раньше.

Ласково встречая их Рублев, мастер по монтажу. Либо его озаирала улыбка. Он всех называл тепло, по именам. У него были горящие, блестящие глаза.

— Растет, — говорил он, — крепнет, — и подковыкаяв рукой железные перелеты крана.

Когда бы ни пришли ребята, они заставляли его между ребер гигантского скелета, он жил в них. Он не спал. Просто не мог заснуть. Им владел постоянный страх, — а вдруг что-нибудь случится, а вдруг это — сон, пролетит — и нет крана! Все угам, планочки разойдутся и снова по складам.

— Вот соберем кран, тогда сосну, — говорили ребята.

Все с удивлением смотрели на этого человека, победившего сон.

Рублев особенно любил Юрковского.

— У тебя — сила, — говорил он, поглаживая его по мускулам. — Хорошо, что ты ее на дело оделся. Не бегай по лесам, не пей. Как выспиться, так сюда. Денок много, водки много. А всех не перелобить, все не перепить. А кран — он один такой. Все восемь домен будет строить. Поглядим на него и скажем: наша — наш шлошь и кровль.

— У Рублева нет человеческих детей, — добавлял он про себя. — Это больно простое изделие. У него все железные. Иные-то дети хорошие тоже плохие. А мон все тоньше, каждый ста людей спит. В Ленинградском порту крана, из Мурмане, из Урале мон есть. Вчера пошел на гору, смотрю — экскаватор там работает, моей горбы, раздробляющую гору грызет, лискает. Мельк Гамброк.

— Здравствуй, — говорил ему, — как тебе дается? А у него проклятый машинист поворотный круг наловрал. Самое нутро. Такая вялая лодка, чуть не плавал. Сердце до сих пор томится. Как будто сыта моего непостоянную тяжесть поднять, заставил и попортили молодца. Я ему еще морду набью, этому машинисту.

— Стоит, — улыбался Юрковский.

— А ты мне можешь, добывать ему от твоей силы?

— Добываю сверх плана.

— Ну-ка, Миша, иди вот тут исподнизу на дачи заклепочек. У ребят молоток срывается. А ты их простой ладовью заведи.

Юрковский подлезал под ребра крана и, лежа на спине, как в тесном забое, ловко впаляет неудобные заделки.

Рублев смотрит на него влобленно.

Сегодня Юрковский увидел Рублева — диким, без шапки. В руках у него извивались обрывки тросов.

— Миша, — кричал он, — иди скорее, поднимай паренка! Тросы увязывают! Мешать морские узлы-узлы? Иди-ка загни. Тебе они, что, простые веревки, а ребята мучаются.

Юрковский пришлось влезать из стальных тросов узлы, захватывая кран в разных местах. Рублев ходил, проверяя, как расположена веревка. Проверил крепость их. Свернулся по чертежам. Снова возвращался и лазал под ребрами, проверял узлы.

— Мало, мало! — сокрушался он. — Маловато тросов, — и тут же, похлоывая кран, говорил.

— Выдержит, парень, кость-то у тебя копейка, американская, не можем больше ждать, понимаешь — обжало.

К вечеру весь кран был увязан. Скрипели веревки, подгибавая изгибные тросы. Была тишина. Но солнце садилось багровою, обветреною, неизвестными ветрами может быть где-нибудь в Сибирской равнине.

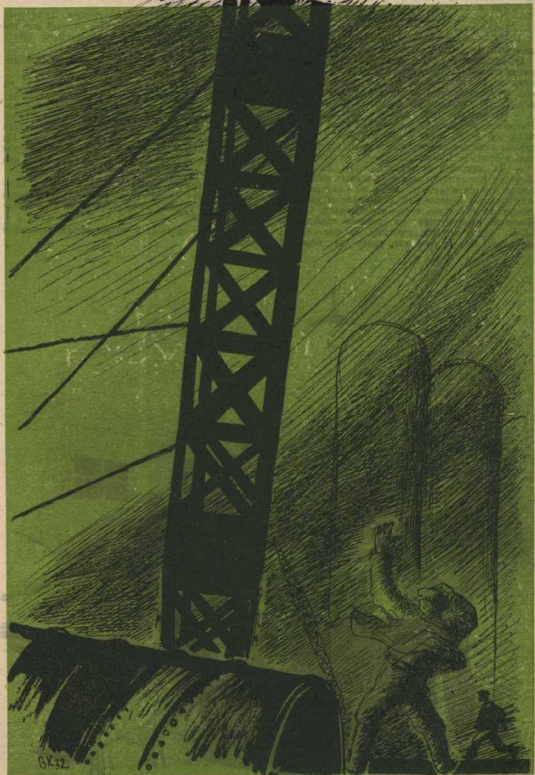
Рублев смотрел на него долго, потом всех клепающихся отправил по домам.

— Идите, высыпайте, ищите завтра свежее для фотографов!

Романенко рассказывает Юрковскому свою жизнь.

Он сидит на корточках, взобравшись на свой рядом поставленные точицы. Вокруг проходила сложная жизнь.

Огромный барак представлял собой целый мир. Каждый койка неслась в его сумрачном

— Азиат — гакричал Рублев, — откуда ты сорвался? Разве это игрушка?

пространстве, не обращая внимания на друга, как самостоятельная планета. У окна трое парней всеядли себя гармонией. Рядом в бедадном городе плакала женщина, расквашивая охватывающую голову рубенка. В одном углу отец читал книжку сына, в другом—старик биял жидкую дедушку. Под шестистым поломом, интанутом из шестех над сдвинутыми точками, слышно—деловыми. Визгливо сорвались бабы, покрывая все высокими голосами.

Ребята привыкли к этому. Перед глазами Юрковского из рассказа Романенко ярко отставало сельцо Засколье над тихой речушкой, заросшей кувшинками. Он представил себе новую избу из синеватой осыни, которую срубил Роман Романенко вместе с отцом. Дешево проданная на убой корова прошла перед ним с печальными глазами. Но лучше всех представил себе он Зинку.

Особенно запечатлелось последнее свидание ее с Ромаской. Выхала она на утренней зорьке, погоняя гусей, и на пыльной дороге, придухшей от росы, отпечатывались лапы гусей, как масляные листья, и следы ее крепких босых ног. Когда она ступала на траву, роса таяла под ее горячим следом.

— Так и сказала—боишься, мол, от материнской любви оторваться?

— Так и сказала.

— И косяк вокруг руки обернула?

— Обернула.

— Да,—говорит Юрковский,— у нас такие девушки редкость. У нас все черноглазые.

Он представил себе девушку с большими серыми глазами. Перебирая в руках тяжелую косяк из золотого лына, презрительно смотрит она на Романенко, говорящего о своем отце в далекую сторону. Не верит.

— Несколько раз спросил я,—вспоминает Романенко,—Зина, подождешь ли года? Промоляла. Но знаю, ждешь и теперь. Дал я вернуться ребятам газету, где мой портрет и статья о бригаде Романенко. Пусть не дует губы.

— Да, девушки ухватят тебя за славу. У нас в Кременчуге много красивых ребят. Но город тихий, и ребята ничем не славные. Был один, самый невзрачный, с прищипанным лбом. И представь себе—прославился. Сделал какое-то изобретение на речном транспорте. И все нами дичава, смотрим, на нас глядеть не хотят. Все за ним, как хвост за кометой.

Он яма хвостом,—ничего, даже обид не знает. Насмотрелся я на этот случай.

Ну, думаю, приду когда-нибудь в Кременчуг в зловещем виде.

— Я подарюк ей принас, которых она сразу не видела!—Романенко зашел под топчан и оторвал заветный суджукон, прибрятый накрепко к топчану, чтобы не украл.

— Скажи, видела ли когда деревенская девка такой чулок, да еще со стрелкой? Нет, не видела!

В руках его извивались чулки серебристого цвета.

— Не видела,—согласился Юрковский.

— Это я в прошлом году зимой получил, по ударили курточка кувала. Тогда мы уж выгнали из артели кулака Фомичева. Работали без прохлады, по-горячему.

— А такую вещь она видела?

Романенко показал розовые обертываемые подвязки с вырезанным корсетом.

— Она даже не знает, как назвать!

— Не знает,—как это, повторил Юрковский.

— То-то, я, брат, никак мимо магазин так не проходил. Уж как было устану, а в очереди, косяк надо, отстою. Скажи, есть такой гребень у кого-нибудь на селе?

Белый высокий гребень появился в горячих руках Романенко.

— Никто не имеет такого гребня. Даже учительница. Я его достал, когда в первый раз пошел на рытье котлована под домну прямою поучею.

Когда он извлек на свет золотистые шелковые штанишки, Юрковский был готов.

— Ну, и я жил не даром, уж если на то пошло!—он раскрыл заветнейший чемодан, опустил в него руки, не открывая, и достал маленькую вещицу, заглянувшись на его руках. Романенко с любопытством потянулся. Это был галстук. Но не простой галстук,—из замши!

На густо вишневом цвете его горели алоистые глазки в виде ромбиков. Он был пушист, как дорогой шерок.

— Скажи, есть такой у кого-нибудь в Кременчуге? Нет так! Я из-за него американка полугода обхаживал. Знешь, сколько дал? Пятьдесят рублей!

Романенко прижал к груди перешиваемый шелк.

— Да, самая парадная невеста белое платье да еще в руке, пока стонт на свете село белое Засколье.

— В Москве, брат, такого галстука не найдешь!

Ребята сидели друг против друга на курточках, держали в руках свои реликвины. Прищипанный свет лампочек пробивался сквозь наполненный туманом зловонных искров воздуха барана. Глаза выливались из щелей. Кто-то плакал скорбно и безнадолго. Принятала больная женщина, целовалась под шестистым поломом с мейсачного курочка. Кто-то с кем-то подражал и кричал зарожитым голосом. Все это было в миру. Эти звуки не нарушали беседы.

Вдруг дыхание ветра ворвалось в барак. Распахнулись сразу несколько окон. Вдохнула тонкая, прогитая сетями крыша. Ребята заглянули друг на друга с неопределенной тревогой. Романенко уложил штанишки, Юрковский галстук. Ветер налетел еще злее, и стены застоялись в его обтяжках.

Юрковский помету-то моменту выидак. То же сделала и Романенко. Не говорившись, они вышли на крыльцо. Вокруг расквашивались фонари, делая окружающее шатким и неверным. Оба взглянули на друга с неопределенной тревогой. Обветшалый прожекторными лампами, там висел багровый силуэт багнетного крапа, полнотный наповолоку.

— Подем,—сказал, накурившись Юрковский,— кабы чего вышло.

Они зашепили, застегиваясь находу. Ветер, вырвавшийся из скупных холодных равнин Азии, зло забавлялся, подхватывая консервную банку у рта Ромаски.

Ребята побежали.

Варганов ходил с бессонными совинными глазами. Он почти не спал эти дни. Он сам проврал, крепко ли врыты ворота для поезда крапа. Несколько раз они с Рублем сидели и выжидали на черташней площадке.

На сней какой-то плане в паутине тросов был показан весь путь крапа—от земли до становленья. Все перечислено цифрами расчетов. — Все верно, — говорил Рублев,—на первую конструкцию ставлю.

— Мало тросов.

— Костяк крепкий, прогибон не даст.

— Они снова выхледи и фидлан вокруг крапа.

У воротов суетился люди.

Варганов не релался уйти.

— Иди, выписки,— упрямшала Рублев.— Тебе завтра нужно быть свежим. Поднику, я сам невдала.

Варганов ушел.

Какая-то тревога жила, не умолкала.

В чем дело? Где ошибка?

Продай домом, Варганов снова расснал подом. Снимки не было. Он раскрыл постель. Сладостное ощущение близкого сна охватило его.

Но снова задрал. Вязя чертежи и с ближайшим автобусом поехал к американскому консулату в Стаку.

Стакан стоял над изломанными остроконечными горнами, как багровые языки застывшего пламени.

Бетак сидел на березовом чурбаке перед белым домком, курил трубку и любовался, как прелудта дола корону, забирая сосисы в кулак. Он был только парное молоко.

Здесь же, на чурбаке, Варганов развернула чертеж.

Стак встрепенулся, отогнана фермерские изидлин. Долго смотрел, засыпая пелом из трубки чертеж.

— На ять,—сказал он,—вали.—И легокнотю толкнул Варганова в спину. Через минуту Стак сидел на чурбаке, и глаза его узким гладили на розовое коровье вымя.

Варганов хотел успокоиться.

Но в черестур спокойном Стаке, а его непоколебимой уверенности ему показалоось что-то фатальное.

Вернувшись домой, Варганов упал на кровать и погрузился в тяжелое оцепенение сна.

Он проснулся, покрываясь потом от страха. Прямо перед ним бились и разались форточка, стелкишки летели из нее, как зонтики перья.

— Стой! — закричал Варганов. — Стой! Мы не учти ветер!

Выбежал, он растопырил руки, пытаясь пальцами поймать и определить, скольких баллов его сила. Порыв ветра приподнял его руки, они взмахнули, как крылья.

Варганов бросился вперед.

Видно виднелся силуэт багнетного крапа, багровый от пережаренной мирриадной части красноватой дессовой шала, несущийся из равнин Азии.

...В руках Романенко извивались чулки серебристого цвета

РЕЛИКТОВЫЙ КРАЙ

Удар железнодорожного колокола разбудил нас в Уссурийской долине. По всей вероятности мы были недалеко от того места возле озера Ханка, где, по рассказу Арсеньева, Дерсу Уала спас ему жизнь во время внезапного тайфуна со стужей и снегом. Конечно с тех пор, как прошла железная дорога, многое изменилось возле Ханки, но вскоре из разговоров с учеными и потом личным опытом я убедился, что это изменение в Уссурийском крае ничтожно в сравнении с тем, что делает железная дорога в иных местах. Край настолько необычен и неизучен до сих пор, что о каких-либо степенных последствиях цивилизации и думать нече-

го. Теперь вдруг бесчисленные экспедиции, от геологов до кино, лавины ринутся на край, даже и наши вагоны их несколько, и у обладателя стачивной возможностью скоро обо всем справится у самых же людей, а не рыться в их книгах.

Знаток края рассказывал нам о разных антраха, населяющих горы Сихотэ-Алиня, о многих неизученных видах рыб в озере Ханка. В особенности заинтересовала меня кузюшася черепаха, и я сейчас попробую рассказать о ней именно так, как пролил московский редактор — со стороны экономичекой и экзотической. Черепахи этой в озере будто бы нечислительное количество, и попадетс я она на переметах для рыбы по-

стоянно в большом числе. Близко знающие озере люди говорят, что в одно лето можно было бы выловить до пяти тысяч таких черепах. Сейчас японцы с нами говорят о концессии. Они уже давно об этом подумывали и даже в близшем к ним порте Цуринга сделали бассейн для ловли черепах озера Ханка. Кроме драгоценного у гастрономов мяса кроме этой черепахи имеет большое значение, а панцирь идет на изделия. Повидимому ловля черепахи для экспорта скоро вывастся в большое количество — и тогда всоать ее поинтерно во Владивосток. Как раз несклько таких черепах вез в нашем поезде один молодой человек. Раз во время разговора с одним ботаником кто-то крикнул мне: «Юги, ноги берегаеь!» Оказалось, что один из черепах удрался из ящика и пробирался между моими ногами куда-то в поисках родной воды озера Ханка. Мы взяли эту черепаху на столик и стали рассматривать. Она была с тарелку величиной, овальной формы в черном панцире «скакми-то затени». Чтобы расширить ее голову, мы подставили к ее рту палочку. Мгновенно черепаха схватила эту палочку так крепко, что мы вытянули из-под панциря голову со всей длинной черепашьей шеей, и думается, если бы стали дальше тянуть, то прочь оторвали бы голову. Говорят, японцы именно так и делают: дадут палку, вытянут, чинуют по шее и прямо ставшими лавут желтую кровь. Голова у нее желтые, ающие, и вся кусачая черепаха со своей вытянутой шеей кажется в отдаленном родстве со змеей, вроде как бы змеиной тещей.

Мне мелькнуло вдруг при виде такой черепахи воспоминание об одном рассказе на Амуре, таком, казалось мне, невероятном, что даже записывать его и не стал как чужий «охотничий». Рассказывал один говоруи, что в Амуре водится черепаха, кусающая людей с необычайной силой и всегда в секретное место (рассказчик назвал это место пасхальным) и одного его знакомого казака во время купанья она укусила и повисла там. К счастью на берегу Амура, около места купанья, была китайская кузница. С великим трудом, весь последний от страшной боли, подперевшая своими руками черепаху, казак дотронулся до кузницы, и тут кинув калеными щипцами заставил черепаху освободить пасхальное место.

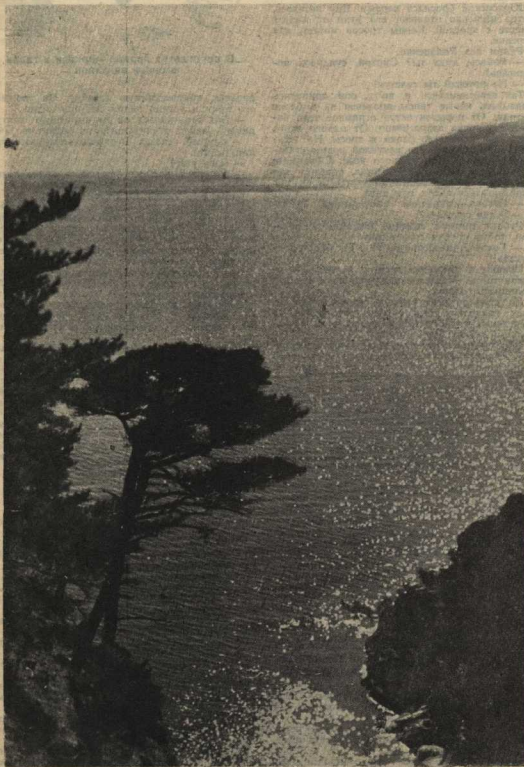
— Возможно ли, — спросил я ученых людей, — чтобы эта черепаха из Ханки проникла в Амур?

Оказалось, вполне возможно, и очень интересно было отметить это в связи с вопросом миграции дальневосточных животных.

И у нас начался разговор о ходоков аэре, летящем из Сибири в Манчжурию и дальше, подобно перелетным птицам.

Конечно в вагоне были не одни только ученые, — за каждым нашим словом следил местный люд, добровольно интересующийся или преследующий нас европейской части страны. По тому, как они следили за нашими словами, и по их замечаниям можно было понять, что от нас людей со стороны, им очень хотелось бы знать мнение об этом крае, насколько общепонятное значение, как будто сами они растерялись, где знают, хорошо тут или плохо, и ждут от нас определения качества раз известна. Если бы мы стали бранить местную природу и нравы, по всей вероятности они бы хором начали со своей стороны приводить доказательства невозможности хорошей жизни в этом краю тайфунов и неожиданных изводений, уничтожающих сразу труды многих лет. Но я провораю потом: большинство из таких людей — великие патриоты своего края, и если что-нибудь похвалять и даже от чего-нибудь притти в восторг, то это как раз и будет то, чего они ждут от свидетелей со стороны. Впрочем мы сами у себя в доме почти все так же — и потому занедено и обязательно в смысле приращения, чтобы гости старались открыть в доме хозяев хорошие и обвить его достоинства, как и ни старались однако представить дальневосточную природу прекрасной, все-таки надо признать, что с точки зрения общезвестной экзотики, хотя бы индийской, эта экзотика — жалкая. Ученые говорят например, что на Дальнем Во-

Известная книга Арсеньева «В Добрах Уссурийского края».

...Какой-то ручей впадает в Тихий океан...

стоке есть древозлащный папоротник, реинка, оставшийся здесь от третичной эпохи. Но не надо думать, что в Японии и Китае нет хороших деревьев, как в настоящих экзотических странах. Пройдешь мимо такого папоротника, не обратишь никакого внимания, но ботаник разберет сразу, покажет, покажет, какой это вид ствол и с таким видом, как будто нашел самый первый великий, станет доказывать, что это именно и есть знаменитое растение тропических стран — древний папоротник. И в увлечении к экзотическим существам на Дальнем Востоке является лишь, когда поешьшь жизнь реинка: ведь это же реинтовый край.

Что такое реинт? Есть понимание реинка в смысле реинки; были например в Средней Руси липовые леса, их совершенно извели, и теперь липа, как остаток довольно редкий, встречается в естественных насаждениях. Это — основная реинка. Но бывает, существует живая и биодивергентная культура, во времена отдаленные, а потом, когда среда переменялась и большинство прежних видов исчезло, это существо приспособилось к новой среде, но осталось самим собой. Вот почему в обыкновенной экзотике нет ничего удивительного в тигре: все в нем на месте, как мы с детства узнали по картинкам и в зоопарках. Но в реликтовом экзотике то значительно, что тигр оставил свои следы не только на песке, но и на снегу, и что иногда он вступает в бой с бурим медведем, что иногда обивает здесь хвойное дерево, что очинка змеи зимует под снегом. Так, мало-помалу входи в понимание жизни реинки, начинаешь понимать и людей, приносящих некоторым редчайшим из них (корень жизни — «жень-шень» или панты олень-цветка) почти чудотворственные свойства.

Я достал сейчас с полочки добытый мной на Дальнем Востоке корень «жень-шень», вспоминаю, как просил один китайец, увидев у меня корень жизни, инициал вид человека, и подаривая меня с этим корнем жизни теперь и больше не дожила бы до старости, стою мне только в течение сорока дней вынуть сорок рюмочек настоя этого корня, и я сделаю, как Фауст, опять молодым. Не знаю, не верю, может быть и не хочу, может быть даже предчувствую свое личное отравление — власти над собой какого-то китайского корня. Но мне очень приятно смотреть на этот драгоценный реинт из семейства аралиевых, в течение многих тысяч лет инициал власти больше золота над умами много-миллионных восточных народов. А сколько рассказываю, сколько легенд! Один из наших ученых в ягоне рассказывает случай с ним в тайге еще до войны. От какого-то учреждения он получил между прочим триста рублей золотом для покупки хорошего экземпляра корня жизни. Раз он поехал в тайгу совершенно один, по молодости своей не представляя себе опасности такой поездки. Заметил человека в тайге, другой следит за ним с винтовочной наготове из-за дерева, но наш молодой ученый, заметив двух китайцев, прямо подошел к ним и рассквал, в чем его дело: ему надо достать хороший корень «жень-шень».

— Хороший? — спросили китайцы, — шибко хороший?

— Самый лучший, какой только может быть, — ответил ученый.

— Два соплиа ехат, — сказали китайцы. И объяснил ему тропы и как найти фанзу, где он может получить верные указания.

Смеялка ехал в тайге два соплиа (два дня), шелся фанзу, и так ему сказали, что именно в эту ночь он увидит лучший корень, какие только бывали на свете, и по всей вероятности он сможет его купить: корень этот уже несут теперь...

Да, это был вероятно один из самых драгоценных экземпляров, потому что этот маленький предмет, вроде корня нашей петрушки, в кедровой луже, засыпанный землей, легко можно бы было одним положить за пазуху, как обыкновенно делают китайцы, и осторожно пробираться, нести через тайгу. Но этот корень, на какой-нибудь десяток сантиметров превосходящий другие, инициал кивку-иногда длинную косу в готовое, особенно правильные морщины на туловище или с резким выражением тела мужчины или женщины, несли через тайгу с величайшими мерами предосторожности шесть вооруженных людей. Они принесли его только и только после усиленной просьбы хозяина волни в перевозовом о продаже и расквалив великую драгоценность. Китайец, разглядев корень жизни, может часами сидеть, изучать его и находить совершенно каменную особенность в его форме, расположенни

мочек. Но что мог понять европеец? Его спросил, какой суммой денег он располагает для покупки, и он ответил просто, что ему дали большую сумму золотом, триста рублей... Тогда поднялся несобой великий хохот и фанза: за корень этот предполагалось выть не менее тридцати тысяч рублей золотом.

Этот рассказ был ответом на поставленный знатоку края вопрос, до какой суммы может достигать ценность корня жизни: ценность эта может расти почти беспрестанно, и человек и поисках его может метаться о чем угодно, оставаясь в пределах возможного. Из реликтовых растений почему-то было избрано как драгоценное самое неженейшее, из животных самое грациозное — витнистый олень, прекрасный олень-цветок (ху-лу): его панты будто бы имеют почти также же целебное действие, как и «жень-шень», и по малочисленности прекрасного зверя, ценность лекарственного вещества молодых рогов тоже огромная, в несколько раз превосходящая ценность таких же пантов благородного оленя, марала или изюбра. Так, углубляясь в знания края, хотя бы даже полученные из вторых рук, начинаешь открывать себе своеобразную, незатрапанную экзотику Дальнего Востока, сильную своими кон-

трастами. И правда, в краю, на который зимой так дышит Сибирь, что все замерзает и при ужасных тайфунах подчас становится холоднее, чем в Сибири, летом в речных долинах краются такие нежные деревья, как белая акация, маньчурский орех, мелколистный клен, ясень, бархатное дерево, а подрастком у них бывает та самая гирей, которую мы видим у нас только в садах и на полянках. Как обыкновенные цветы встречается делька, ливаный лес. Есть дотос и эдакельсе. В этом краю не только природа, но и люди очень разнообразны: стран привозно самых разнообразных семен, китайские капиталы — свои, американские — из Америки, русские переселенцы из самых разнообразных климатов тоже всевозможны своей смена, и все большей частью принаклято и росло. Легенда говорит, будто бы при обосновании мира забыл этот край и, заметив грех свой, снесла все остатки семени и поскарбишила этими обсеменил весь Южноуссурийский край.

Перед тем как показаться морю, мы нырнули в тумане, и в то мгновение, как окно наше входило в темный коридор, на солнце ярко,

Исатель корня «жень-шень»

Олень — цветок

венком над самой дыркой тунцеля просветились разные необыкновенно большие уссурийские цветы, оранжевые и темные. И когда мы вынырнули на ту сторону горы, то солнца уже не было там, а моросило нечто среднее между дождем и туманом, то самое, что на Камчатке называли бусом. И в сейчас, над только закрыл глаза, вижу в ярком свете этот венюк и прямо, не думая, называю этот снимок своего собственного глаза венюком победы и гелия и прямо не знаю, чего тут разуметь советским; а ли это, продолживший выношен до помосковские сиденье, или народ, продаивувшийся от Камчат до Тихого океана. Мы скали по самому берегу залива, названного в честь старое морщинистое лицо с глазами человека, воспитанного необходимостью. В этих глазах было синхронизированное предупреждение нам, европейцам: «Смотрите, дети, без этого труда человеком из вас никто не вырастет!» Глест в глубине русской культуры, как и враноше не понимание из далеких детских своих переживаний, кто-то предупреждал именно так и меня самого, и потому при взгляде на этого труженика в сердце у меня завалился небольшой узелок какого-то неясного отдаленного родства с этим китайцем. Старик ухитрился заобрать на себя все наши семь с половиной пудов и за четыре рубля перенес их в гошпичку «Золотой рот». Там узнали мы, что настоящая цена была не четыре, а только два рубля, и этот обмен старого «родственни-

Плутнистый олень

ка» конечно был нецену. Когда мы устроились в номере и снова вышли, чтобы осмотреть горы и начинать дела, наш старик стоял со своей рогулей у двери.

— Плохой люди! — сказали мы, как русские говорят полякски, — надо было взять два рубля, а твоя возьми четыре!

— Нет, — ответил жилый старик, — мой люди хороний, а яша плохой; зачем давал четыре, ничего не понимаю, плохой люди!

Что можно было ответить?

В это время два другие китайца, служавших в гостинице, вынесли чью-то вещи и столько навалили рогуле на синюю, что старик покачулся.

— Ваг народ! — с презрением сказал какой-то молодой человек и кепи, по-работному оде-

ли. Тот улыбнулся и ответил: — Ну да, конечно, не простарни, люди все самостоятельные.

— Быва ли свидеться у вас этот семейный коток? — сказали мы, — все равно и здесь он будет введен в общую систему строительства.

— А мы этого не знаем? Что вы нас за дураков принимаете? Конечно мы и партийного своего признали.

Так мы беседовали, время от времени перебивая провалы на деревянных мостах. Тут тоже свои истории: провалы образовались оттого, что граждане касаются досочки тумбура на толщину, а касаются потому, что угловый кризис был, а кризис... Это сложная история: все китайцы организованы в артели и во главе каждой артели стоит стариника, вроде нашего кулака. Пришло время перестроить такую организацию, убрал стариника, а растерянные рабочие, еще не все понимающие свои интересы в свете советского государства, забастовали, через эту доставку угля временно прекратилось, и граждане начали разбирать доски.

— А что если, — спросили мы в раздумьи, — бывшего родного «партиянка» симнут, назначат другого и коток ваш устроится по-семейному?

— Есть Камчатка, — сказал он, — на Камчатке есть золото.

В это время мы проходили по высокому берегу моря, закрытого туманом. На обрыве, где

Семеновская гавань во Владивостоке

— никакой скот не даст себя так эксплуатировать: люди живут!

Слова незнакомого аробакали, как элетрический ток, и вернули нас к революционной действительности. И все мы, с китайцем, встали на улицу. К сожалению скоро оказалось, что незнакомец был далеко не на высоте революционного сознания и молчаливо казался лишь с виду: он столько испытал, столько его «эксплуатировали» везде и всюду, и спасением его были только ноги: от всего убегал. Теперь он навсегда покинул с производства, подговорила всю свою рогулю и перешел сюда вместе с ними строить коток: все свои.

Мой товарищ сказал:

— Вот кулачек, увещен, что вас раскулачи-

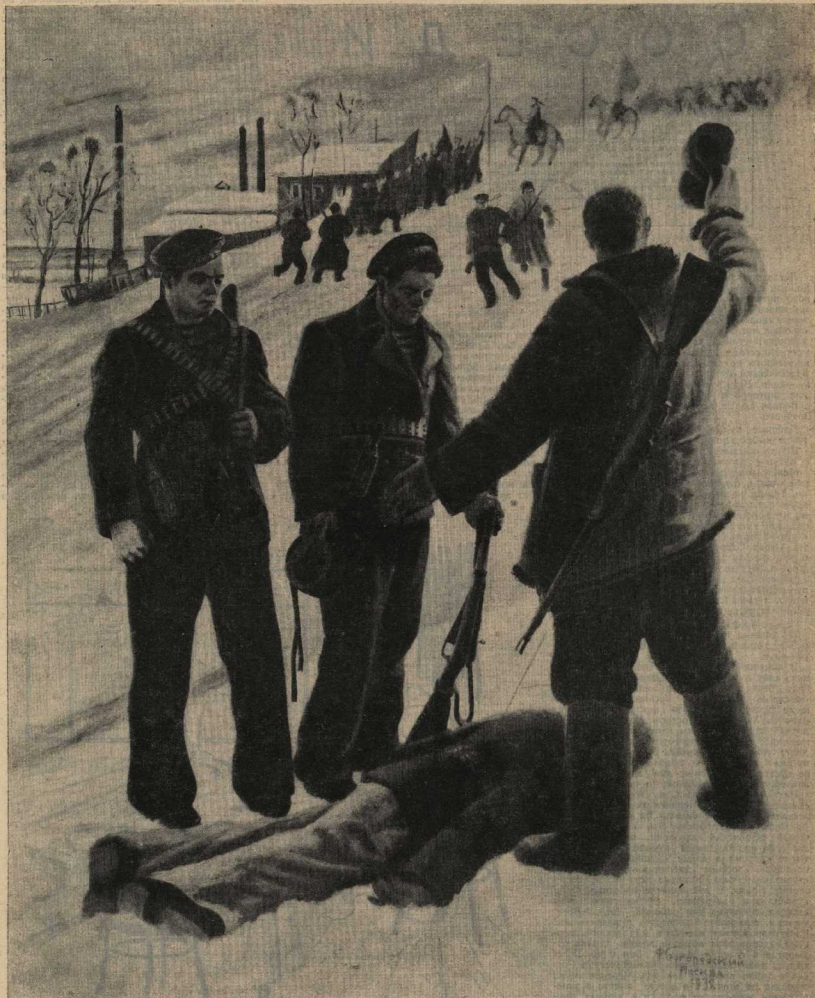
сваливают отбросы, сидел в навозе китайцы и палочками в разные ящики раскладывая свое золото: конский навоз — отдалю и короний — в другой ящик, овечий, свиной... Случалось в этом навозе и мусоре попадались что-нибудь ценное, — он это прятал в закрытый ящик, случалось «сдобное» — он брал пальцами и клал себе в рот. Несомненно, это был огородник, углублений в самке негра земли, семейно связанных, быть может, с женой и детьми своего покойного брата, которым от своих великих трудов посылает все в Шанхай, часто, быть может, довольствуясь тем, что выдется из навоза. Какое суженье, какое углубление и какия шовы, когда берешь для сравнения русского, идущего на Дальний Восток за длинным рублем.

— Так мы что же, — продолжили мы разговор, — если не удастся коток, в самом деле решиться идти на Камчатку за золотом?

— И дальше Камчатки, — ответил он, — есть Чукотка... там занимает хорошо пушиной, а деньги там американские.

— Прощу вина! — услышали мы голое в тумане. — Достой, погоди!

Показался наш знакомый старик-рогуля. Он очень устал, пот струился у него между морщинами, но самое замечательное, что при всем этом он улыбался нам, как старший знакомый, и, оказалось, потому только остановил нас, что ему надо было идти в другую сторону и хотелось проститься.

СОСЕДИ

Представляли двух непохожих шахтеров спят голова и голове на лобках рабочего оборудования. Черев, седоватый машинист Огаревской шахты, и гонимый до конца шахты, в 1931 г. был мобилизован на Огаревскую шахту, именуя в советские годы металлургическим и первую шахтукать. — на шахту с широкими дугами, полами заменены рабочие простыми, шарком и баллонов.

Но огромные возможности культурной работы среди горняков шахты не используются из-за обломочности шахтерской акции. Неопределенные мечтания о славянской Москве у Федосина, восторженные культурно организованные свой день у Брука, жесткой критичный подход к молодежи у пропагандиста. — все это различные проявления все той же обломочности, впрочем и по производственной программе.

Страна не простит залитого водой бункера элеватора и частых аварий с механизмами.

2

Четыре удара — а шахту пошли люди.

На этот раз машинист Черев опускает из дна ствола своих товарищей по обществу — Борьку Брука, секретаря комсомола и главного застрелка на шахте, и Шурку Федосина — лесосана. Борька мрачен и неподвижен. Только что зноивши из шахты: заело в моторе механизированной завь, скрепер не может работать. Камень стремительно падает в дождевые журилки рудинного двора. Вылезая, Шурка мелким вудит встревоженное, в пятнах лицо Брука.

— Вечером в клуб приходи обязательно, — говорит Брук и, сгибая руку, уходит к южному участку, к лае. Он вдруг оборачивается и, догоняя Шурку, добавляет: — Может придется с тобой выгасивать... так вы конференцию без мотв проведете.

— Лега земля широкими перемычками складана, как сытая и брошенная, техника от трудового тела рубаха шахтера. В стене разбросаны маляньные деревянные сооружения. То ли тоща колокольная, то ли ветринг — такая постройка могла еще лет семь назад изумить хасборба-тулака, коренного обитателя этих мест. Но сегодня одинокие вышки копров среди пустынного волнистого поля родней ему, чем классический силуэт журилки над деревенским колодезем. Вель это кабыло и вина, проглотившая карточка в будущее. Это — шахта.

Вблизи шахты не напоминает ничего игрушечного.

Длинные худые ноги эстакады вьются в гряде выброшенной породы.

Куски угля лежат на полотне узкоколейки. Между отчетливо синим небом и черной горой отвала, наклонившись, падают две девушки, толкая вперед вагонетку с породой. На краю горы вагонетка кренится, куски колодезя и «синики» скачут вниз — так вырастает отвал, эта густая, черная, каменная шестина, по которой можно судить о возможности шахты. Отвал Огаревской шахты № 5 невысок — шахта молода и моды бывают двухэтажные домики, бегущие к ней из голого поля.

Четыре раза постепенно ударит буфер в стену — размазывавшийся грохот под земной шиной, и стальные тросы, дрожая, уходят в деревянные расщелины.

Четыре удара. В шахту пошли люди.

И тишина не успевает вздохнуть: снова резко, напоминающее стучит буфер. Два удара — грох.

В каменной пристройке у на шахтющего здания сидят в высоком ложеснице кресле машинист Черев и переводит железные рукоятки, бросая и поднимая в восьмидесятиметровой цели живую и мертвую покалку. Нагретая рукоятка не успевает остыть. Поводы на своем деревянном троне этим царственным носком, машинист подымает на-гора шестисот килограмм тонн угля в сутки. Максимальная пропускная способность ствола — 700 тонн. Если не пустят в ближайшие дни элеватор, ствол захлебнется от нарастающего груза.

Пятидесятый лет назад, в тревожное лето семнадцатого года, Черев гоня по кругу лошадей, тнувших «скелета» на «шахте Федора Ивановича Богатырева». Это был предприниматель, циничный заводчик, ошившийся на засугах подмосковный курной уголок. Богатырев свернул в земле «дулки», опускал по оксидной лесенке двадцать забойщиков, стили на рельсы тандем неуклюжие деревянные вышки, и предпринял работу. Один кузнец, три десятника, ваятка начальнику станции, землянка для рабочих. — фирма Богатырев и сын могли процветать и развиваться! Натягивая спицы мускулов под рыжей шерстью, здоровенный домоов лошадь тинула пуды угля к станции Житово. Эти пуды Богатырева пообразовали империалистическая Россия в толпы военных заводов. Черев гоня по кругу, а в шахте вместе с деревенскими мальчишками ползали в кривых мокрых штреках военнопленные австрийцы. Таким путем вопрос о себестоимости пуды угля разрешался положительно и никогда не превалил ценяного лавочника.

Но он тревожил сегодня Череву и всех людей шахты

Шурка добирался до воздушки, старательно прикрывая дощатые двери в штреках. Вина тут захваченную с собой электролампочку на дне вентиляционного ствола, он наклонился к подземному искусственному озеру. Защищенный бредомом, молодой лесогол начал работу.

Сюда с поверхности уже заброшены бревна. Они пролезали сквозь восьмидесятиметровую глубину, со страшной силой разбивая черную воду, которая спасала их от участи быть разнесенными в щель. Шурка теперь вываливает эти бревна — шахтерскую крепь — из воды. Работы не так уж много, он успевает вылезть до конца смены, сползти в барак, переодеться и встретить Полкина. «Сползти до дня конференции?» — спрашивает Шурка и с тоской вспоминает длинные скамьи клуба и стол, накрытый куском кумаха.

Шурка хотел жить на шахте по-московски, по-городскому.

До мобилизации на уголь он работал на «Серге и молот». Сиюющие огни Парка культуры и отдыха, цирк Шапото, праздничное скопление лодок по Москва-реке — эти салютные, колочные воспоминания вшлепели в грудь лесогола. Там была жизнь, там была культура, а сюда, в Огаревку, он не решился даже привести из Москвы новый костюм. — для чего?.. Еще студент!

Из деревянного, промерзающего зимой барака они перебрались в бесое каменное общежитие. На шахте построили столовую и баню, разбили парк.

Все это как-то не задело глубоко шуриного бытия. Поправлению он и Брук чувствовали себя временными людьми, вальсами на постель и сплосках, не читали книг и газет.

Но все-таки надо было как-то украсить жизнь.

Деревенские девушки шахты украшали свои койки лубочными ветками. Шурка Федосин купил портреты Горького и Мухоморова, картину ваятки Зингиды дворца, автопортрет французского художника Давида и отрывной календарь за 1932 год и густо завесил уголок стены над своей койкой. Тут же висел фотографический снимок Полкина, девки пертальной и

У стола, накрытого лужачом, одиноко сидел пропагандист...

НАЕЗДНИКИ

(Рассказ шюфера)

С Митькой заспорили. На-шермак Нам улыбался «Матрий».

А улыча так была широка,
Гадка, как заглавок бритый.
Моя «Яна»—холод, каких не выдать,
У Митьки же «Фюрдик». Сполаян он!
Хотел, понимаешь, меня обогнать
«Чур, говорит, не плакаться!»
Я крепко его обложил при всех.
Я сел за баранку, выждал,
Пока он саялся под крики
Раздосадован и обижен.
И вот газулан и он, и я,—
Гражданка рты разинули,—
По ровной я его обгонял,
А в горку он от меня увиливал!
Углы резали без ножа.
Встречные амальгары,
Балкане к смерти, чуть дрожа,
Тушила глаза—фары.
Я всю железку даю как раз.
Дорога саялась в линию.
И фонари вчаты на нас
Слопашным световым линием.
Земля отлетела! Ушла вниз!
Триумфальнее... Ты, растина!

Тормоза!
Автобус!
Трамвай!
Визг!
Баба!!
Спешились. Вылезли. Хмурые лица...
Нас обоих взяла милиция.

Нужно ДЕЛУ умение свое отдать,
В работу ударную влезть ты!
А так Америку легко догнать
В смысле аварий и происшествий.

Рис. Соффертиса

„Без обгона“

массовой пляски, организовав песню, чинку, соревнования, игру. Недоставало жинго организатора, который бы от пляски и песни сумел перейти к политической беседе, унылый пропалак саялся в пустом зале доми давая десяти часам. После этого кроха он чувствовал себя вправе покинуть клуб.

Обойдя парк, Шурка Федосин наконец отыскал Полинку. Она стояла с девчатами у входа, издавая судачьи темными палецами голую подолонку. Шурка хотел подкрикнуть и напугать ее, а потом увести, но в это время к девчатам подошел деревенский гармонист Иш. Черная птица—гармошка трепетала в его руках.

Полинка швырнула прочь выкоть подолонку, стала саяром с Яном, и они медленно пошли дорогой. Уже давно порозовело и потухло небо. Под смел, под твердую сухую почву, по которой они шли, кончилась работа третья смена, и Брук прилаживал мотор к лебедке.

Заразилась ты, Коляка,
Заразил ты девок скляка!

вмкрикивала Полина силноватая озорным голосом, и гармоника посылуно подхватывала тулову, и всякой частушкой присел. Немолодежь шла из парка за Полинкой и Яном. Охотно и весело шли они за поселок—и там, посидев гармониста на лавочку, долго толкались в алеек, слушая побольше частушки Полинки, и Шурка не сводил глаз со своей очаровательницы.

4

— Вставай... тебе говорят—вставай! Федосин не откликнулся. Серая ежастая голова лежала между двух лосюбок подушек. Рядом с койкой саяена одежка.

Машинист Чернев, уже одетый, с узелком в руке, тихо, но упорно тормозил лесогоня.

— Вставай... тебе говорят—вставай! Чернев интуитивно дожидается и в сотый раз рассматривает «Взлетки Зинького дидаря» и портрет Давида в пыльном белом парике.

Ежастая голова шевелится.
— Платформа с лесом стоит... вставай,— споконiously говорит машинист.

Федосин приподнимает горячее спящее лицо. Чуводившие руганы, вырываются из его груди. Он снова прачет нос в ровную выкоть подушки.

— Тебе говорят—вставай! Чернев терпелив и оштыт.

В комнату вываливается богатирская грузная фигура Брука. Он медленно бредет к своей койке, раскорячив ноги. Чернев выжидающе смотрит на монтера. В его взгляде—и любовь к этому сзобскому пылку парню, и доталка, и сожаление.

— Что ты, как на качке?
— Чиряй, вскопчал... в баню не соберусь,— удрученно отвечает Брук.

— Мотор поставил?
— Семь часов ала стояла... Мотор-то поставил. За это судить будут.—Факт. А кто виноват?—И, подражая кому-то, он долбает себя.

Мне теперь только напиться остается.

— А ты брось, брось, парень,—озлобился, говорит Чернев.—Культурные ребята, геронические ребята, а малахольным хонте. Портреты и картинны покупаете—тысяч он в сторону Давида,—а в баню не соберетесь. Я брат, когда работал у Боготирева—и рад был в баню, да некуда. Вылезешь на-гору—одна зубы бьются. Видишь, какал у него картошка, у сукинного сына, загулял вчера, а теперь не добудишься.

Но Шурка уже сидел на койке, почесывая голую волосатую ногу.

— Спит, как кулак, на двух подушках,— улыбнулся Брук.

— Теперь кулаки на голых досках спят,— заметил Чернев.

— Правильно, дядя,—проговорил Федосин, натягивая штаны.—Я на «Серге» первым ударником был, а здесь умушлся на черную поладу! Обищешься, дядя.

Напялил чуши, завалал веревочки на ногах и выпиривался. Взглянув в раскрытую тумбочку, Федосин увидел среди белья коричневый круг букашкин. Он подождал букашкина на лавочку, потрогал стрелки на рожеватем шиферблате.
— Занесу дощички,—твердо сказал лесогоня и быстро вышел за машинистом.

Чуводившая ругань вырывается из груди Федосина...

нагло, смуглой анимом, ликой частушечница. Сегодня она Джюна была притти из деревни в парк.

... У Брука дело грозило приттись на всю ночь. Не по его ли вине стоить механизмованная дая?

В моторе сработалась подшпинники, опустившись ротор,—надо вытаскивать тяжелую машину на поверхность.

3

В девять часов в шахтном клубе у стола, покрытого кумачом, одиноко сидел пропагандист из района—доладчик юб отбогах Сельской комсомольской организации в рубашке. Поможи худые локти на порфеле, иди смотрел, как заходили и уходили ребята.

Брук—заправил и организатор—не появился. Культорин Стернякин в неподожданной, расстегнутой ставой, выгустуроване и с ошоховой тростью в руке уныло бродил по пустой сцене.

Стола крепкой погожий августовский день, и уханье мяча доносило с вольбойной площадки.

— Отвечает за конференцию Брук,—думал пропагандист,—я свое дело выполнил, и доклад подготовил, а если они срывают...

Шурка Федосин, успевший расчесать ежастые свои волосы на прямой пробор, заглянул в клуб, почуяв холодную пустоту, увидел плечи спящего пропагандиста и немедленно уснул.

Клуб стоял в парке. Так называли на шахте отгороженный забором кусок поля с невывощанной сухой травой, ровными дорожками, лосюбойной площадкой и круглой открытой беседкой в центре. В беседке можно было взять со стола газеты «Московская конегарка», «Скороды» или сгрывать партию в шашки.

На хоз скрпте-природе, не подарившей этому уголку ни одного деревца, комсомольцы, водоплавающие мальчишки Кюевым—секретарем партчейки,—прорыли в парке глубокий котлован и соединили с каналом, по которому бежала шхитная вода. Соорудили подобные платины, они подыняли уровень воды в канале, и широкая лента енастоящей реки опоясала парк. Вдоль берега посадили сосны.

Правно, это была недурная затея! Взавладетом, скользя на коньках зимой. В парк вечерами собиралась вся шахтерская и колхозная молодежь. Даже однообразные техпронские флюиды, которые привозились «сусую» (без музыки)—даже они привлекали в парк сотни людей, жадных до зрелищ и красок.

— Эх, показали б какой роман... или комедию.

Недоставало одного—двух затейников, чтобы посадить в беседке самодельный оркестр (такой был на шахте), развернуть щей

ИСКАТЕЛИ ГОЛУБОГО КАМНЯ*

(Из „Азиатской хроники“)

3. ДВЕ СТРОЧКИ С ПАМИРА

— Африцы из караван-сарая, — вздрогнула прошептала Висковский, — это они. Они? — установившись в упор, спросил он кашгарца.

Старик молчал, настойчиво глядя на походящую сумку Висковского.

— Где карта? План! — воскликнула Николай и, сорвав с себя сумку, выхватил тетради. Разметав бумаги, он искал план, но не находил и, убедившись в провале, поспешно отчаянно, обратился к проводнику.

— Пропал. Нет плана.

Старый кашгарец не слушал. Он был занят. Он поднимал окаменевшего африца и, приложив неподвижное тело к камню, свисав с него нос. Кашгарец развернул полст, встраивал и из него выпала шерстяная бумага.

— План! — узнал Николай и, кивнувшись к старику, стянул его руки. — Откуда ты узнал?

— Я многое знаю, — недоуменно ответил старик. — Я еще знаю, что нужно похоронить этих людей и не терять времени.

Старик не законил своих слов, за камнями посыпавшись порош, и вдруг кто-то совсем близко зашел, и зловещий вой пронесся по всей долине.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОСТ СТАРОЙ ЗАСТАВЫ

(Из дневника путешествия Николая Висковского)

«...Старались изо всех сил спасти их. Старик наконец раскрывал им зубы, и вылезли остатки

* Опиювание. Печально см. в №№ 17 — 18 и 20 «Вестника».

спирта, потом мы их растащили снегом. Один раз нервы африца открыл глаза, изумленным просиющим взглядом он точно говорил: «Давайте уснуть». Второй вычем не подвизал признаков жизни, и когда я вторично пылялся растащить ему грудь, и почувствовал холод тела и понял: смерть. Вдруг раздался вой.

За развалинами вала собака. Никогда мне не забыть эти минуты. Собака тигристо-желта. Я хотел бросить камень и отогнать пса, но кашгарец остановил меня. Он пошел к собаке и привел ее, а затем... я смотрел, что делает старик и не верил своим глазам. В сумке у нас оставался кусок кобальта, она превратилась в камень, но все же ее еще можно было есть. Консервы настолько смерзлись, что, умирая с голоду, их нельзя было бы употребить в пищу. Кобальсу и держал на исключительный случай, и хотя третий день мы сидели без еды, я не решился брать ее, оставая на коней.

И вот старик бросил кобальсу собаке: Голодный облизал пс, который едва донозал до хлышки, оцетившись им, точно забрызгиваясь, бросил и разорвал, проглотил брошенный кусок. Старик, не обращая на меня внимания, будто меня не существовало, бросал собаке кусок за куском. Я только хотел закричать, как старик обернулся ко мне и дал знак, что нужно ехать. Он взял лошадей за поводья, и мы поехали. Собака побежала вперед. Тогда мне стало ясно повитым. На Памире есть собаки, которые из года в год сопровождают караваны. Они неприхотливы — дохлятые горные бродяги — и питаются отбросами. Приблизившись к нам пс вероятно отбился от каравана. Он медленно побежал вперед и, озвирясь, ждал, чтобы мы

шли за ним. Снег занес тропы, но собака уверенно бежала вперед коней и в доверие привела нас к дому бывшего поргариного поста.

В старой хижарке мы нашли мешок овса, немного муки, сахар, шесть барок консервов, а под кошим лежали две коробики спичек. Теперь нам ничего не страшно. По карте и по плану месторождения совсем близко, легендарный или пятнадцатый километров, но более, отлежит нам от залежей лазурного камня.

Сейчас, когда я в себя не верю и уже ощущаю в руке запах нефеситно-лазурной породы, мне не верится: что добер! Неудачи, вернувшись из отлучки, я привнес с собой а подарок республике голубые горы. Странно подумать, до чего прострапается бедность Николая Висковского.

Осторожно, легкий толчок разбудил Николая. Он неохотно раскрыл глаза, взглянул на кашгарца и уже больше не мог оторваться от его лица. Старик улыбался. Висковский, чисто мадьярская улыбка сурьма, его рот, дрожали губы, узкие глаза раскрылись; старик представлял собой воплощение умиленья и восхитенно воступил слышно обормотал.

— Солнце! Солнце!

Вглянувшись на дверь, Висковский должен был замуркнуть, так ослепительно ярко свис снег.

— Солнце! — Висковский проворно вскопал и выбежал из-за холма. Густые тучи ухалили за холмом, сдвинулись и свисли в долину. Горы и льды палили, сверкали до реки в глазах, было безгрозно, тихо, и Висковский возбудженно заметался.

— Скорей, ни минуты промедления. В дорогу, старик!

Кашгарца не нужно было торчать. Подкорюченные кони стояли ослепленные, и не прошло и пяти минут, как путешественники двинулись дальше.

Впереди путь стал затруднительным. Горный поток остановился всклокоченным льдом. Валаи поднимали заметенный лед, поток остановился в движении, мгновенно умерщвленный морозом. Лошади стали, пришлось сесть. Висковский начал карабкаться по откосу, проворно, закрываясь коней, пошел вперед. Он шел по обледенелой тропе, и каждую секунду кони билась об лед, срываясь с берега вниз. Висковский полз среди халявничьего нагромождения льда, порой он ложился и полз, протискиваясь между льдинами, и был похож на вышерешную приборку рябу. Три часа искатели лазурного камня пробивались вперед, и наконец Николай, не вытерпев, полез на самую высокую льдину. Река сворачивала у скал, у ее подножья толпились воронкообразные льдины, и сступая скалы, откуда свалал поток, свисали синие ледяные стаякиты.

Старик остановился, слержная срывающаяся коней. Висковский увидел, что дальше путь невозможен. Они находились в кольце гор, и нигде не было видно перевала. Стояли высокие отесанные горы, покрытые снегом. Висковский глянул на солнце. Николай прикрыл рукой глаза от солнца, но тотчас отнял руку, ибо он должен был искать путь... Кашгарец тем временем отрезал кусок хвоста у своей лошади и привил пшесту сетки для отцеживания. Висковский с себе Николай, он протянул ему волосы, предлагая сделать то же самое, но тот, не заметив его, отсериивался по сторонам.

— Нет, здесь нет никаких месторождений, — как всегда при волнении, заговорил он сам с собой. — Дальше нет пути... Вот он, конец гаупто дела.

Старик слышал вид, что он не понимает положения или, желая скрыть свои мысли о постигшей их неудаче, остался спокоен и влял сетку для газа. Когда сетка была готова, он пристроил ее к шалке, опустил на глаза и медленно пошел на гору, приставив лошадей к оскулю сорвавшейся скалы. Висковский стоял в отчаянии, не зная, что предпринять.

«Ошибок? — рассуждал он, — или залежи? — скалка, легенда?.. Но тот камень, что принес кашгарец, откуда он? Да откуда тот камень? — Эй, старик! — кричал Висковский и тотчас замолчал. Кашгарец скрылся.

За камнем толпая покнутые кони, ваялись сумки. Старик пропал. Но вот вдруг у скалы послышался порош и хруст трещащегося льда.

— Где ты? — позвал Николай, повернувшись к скале. Из-за льдин внезапно появились архаи. Вне себя от изумления Николай сбегал на них, и обычно пуганные животные глядели на него бесстрашно, подходи все ближе и ближе.

Старик занялся изготовлением сети для газа

...Висковский начал карабкаться по откосам...

Забывшись, Висковский сделал движение, как бы желая подовать животных. Архары встре- пещулись и в страхе кинулись в погону. В ту же секунду они высветили обратно. Из пеще- ры вышел какаргач. И опять Висковский не узнал своего проводника, так изменило его новое прерасиение. Какаргач выпрямился, от старческой сутулости не осталось и следа, он стоял, вытнувшись во весь рост. Висковскому показалось, что он стал выше выше. Какаргач внятно поднял руку и громко, полным голосо- м, крикнул, моточим голосом возвестил:

— Они здесь, небесные камни!
Произвись это, какаргач опять исчез в пеще- ре. Висковский бросился за ним и очутился в полной темноте. Он остановился, выткнул го- лову, и снова не видел.

— Сюда! — позвал откуда-то из глубины про- водник. Висковский пошел на голос и вскоре наткнулся на старика. Он встал за его пояс, и они пошли вместе. Ити пришлось недалеко, вскоре впереди забрезжил свет, еще несколько шагов — и в расщелину ударило солнце. Отгол- куша проводника, Висковский побежал, проти- нулся между камней и очутился в узком ущелье.

Яркие камни, лазоревые расщелины струились голубым светом. Снег сквозил на синеватых глыбах, как остановившиеся облака, от солнца камни синели огнем, белая рыба покрывала голубизну, и рослыми леками, будто осколки разбитого неба. Ни один звук не доносился в ущелье, было тепло, россади, повисали, укловывая valley, как убаюгивающий ручей.

Все вокруг голубело, как на ранней заре, и лишь какаргач осветило голубым сиянием. Куда ни смотрел потрясенный Висковский, он всюду видел лазурные переливы россыпей, и вконец точно освещались, вспыхивали, разгора- лись...

Сивистула гитина, и Николаю показало, что камни тихо отодвигались, во то промедленно ду- жонение легкого ветра. По склону скал на Снежного известняка выступали, вырезывались

острые зазубренные голубые пики. Лазоревой оазис в высоту, точно с окаменевших деревьев, простиралась зрелище пацаты, а у ног, пригнати- шиеся рямой, раскинулись некие камни. Мел- кой белой чешуей были покрыты осколки, и посередине, склонившись на бок, отбрасывая причудливу синюю тень, как обрушившаяся скала, возвышался голубой колодез. Снежинцы пирамиды вадан сплывали с воздухом, россади не имели конца, и медленно ступая, ша Вис- ковский по каменистой лазуре. Он чувствовал себя на другой планете и, распекушу на груди тукурку, он задыхался неча по ущелью, не в силах остановиться.

— Дорогой старик! — позвал Висковский, чув- ствуя за собой какаргача. Незожиданно страши- лась еще хаеистуа по газам. Николай пошпи- нулся, еще не соображая, что произошло, на мгновение он открыл глаза, искрился лед по- мутнен, побатродел, красная резь пролипла на- да, и стало темно.

СООБЩЕНИЕ ГЕОЛОГА Н.

В КРАЕВОЙ КОМИТЕТ КОМСОМОЛА

20 ноября с. г., возвращаясь со своей запо- вединой группой в Ош, невдалеке от перевала Мертвой горы, в старом станционном пригород- ном здании я нашел двух людей, один из кото- рых оказался являлся ватлей организации Нико- леем Висковским. В этот район мы попали, отключившись от своего пути, так как в разна- руженный дворе замерзших людей, на следу же- ниемсь еледи еще двух ушедших по направле- нию на восток. Немедленно мы отправились за ними в таком образом попали к месту на- хождения Н. Висковского. Наша помощь при- шла своевременно. В старинном здании мы за- стали освещенного т. Висковского. Возле него находился старик-какаргач. Больших трудов стоило нам узнать у старика истинную прозвище- щего; он молчал, и все наши попытки остав- ляться тщетными. Не помогли и угрозы. Бросив

распороси, мы спешно оказали необходимую помощь т. Висковскому. Он временно олеп от стержания ледиков, и в настоящее время, благо- дарственно доставленный до Гуальчи, он пере- дал в госпиталь, где на его главу назначены повязки, и вызвавший специалист рунется за его выздоровление.

Ввиду того, что старик до конца отказался нам отвечать и позволил себе раскрыть покато- ные сумки т. Висковского, и только таким обра- зом удалось получить некоторые сведения. Судя по дневнику, он предпринял экспедицию в неизвестных месторождениях ценнейшего минерала — янвис-лазури, — которые ни были найдены. К сожалению в записках не указано точного месторождения, но в сумке оказались великодушные образцы. Судитесь два дня, когда в состоянии т. Висковского удлиниться, мы по- лучили от него самые подробные сведения. Часть группы отправилась на поиски, и без труда открытые им месторождения были на- дены.

Лазоревый камень — редкий минерал, место- рождения его, известные в далеком прошлом, теперь иссякли. Чистейш янвис-лазури не- собычаи.

Лазоревый камень был уже известен и римля- нам. Название «лазурь-лазури» происходит от арабского слова «лазурь» — голубой. За краси- вый цвет он всегда ценится очень дорого. К числу замечательных произведений из лазу- рового камня нужно отнести колонны Исаакви- ского собора в Ленинграде вышиной около семи метров. В месторождениях лазурной ка- мени тесно связан с известняками и вероятно принадлежит контактовой зоне, что подтвер- ждается между прочим нахождением лазурита в вулканических бомбах Монте-Сомма. Месторо- ждения: Тибет, Китай, Афганистан, Чилий- ские Кордильеры. Открытие т. Висковского вне всякого сомнения — событие огромнейшей важности. Тем же менее, пользуясь случаем, на примере означенного дела, можно разрешить себе несколько замечаний, касающихся участия комсомола в изыскании естественных богатств Советского союза.

Свою экспедицию т. Висковский предпринял без какой бы то ни было подготовки. Из всего видно, что юноша, имея лишь некоторые не- значительные справки, отправился в одиноч- ный путь (в то время года, когда восточные авта- раны) в неисследованную область без снаря- жения, без необходимых, хотя бы элемен- тарных знаний геолога. В качестве курьеза следует отметить тот факт, что в пылу героиз- ма он забыл захватить геологический молоток. Проходя несведомым путем, он не составил карты, и когда встречался на пути ценные находки, т. Висковский не обращал на них никакого внимания, имея целью одну лишь лазурь, пропуская месторо- ждения меди и свинца. К сожалению в своих дневниках т. Висковский не уделяет равно- ликого внимания описанию пути — оно кратко хронологически отмечает естественные при- тком образе путешествия, аэлокации в путеше- ствии привирает слов, ценителю благодаря счастливой случайности он избежал гибели. Преданному провалу, личность которого нам не удалось выяснить, мы бызаны спасением т. Висковского. Намного лучше настали старца в крайне истощенном состоянии, так как спа- щу он отгадал своему молодому другу...

Рад приветствовать от имени геологической группы 3-го отряда.

Конец истории путешествия Висковского, вернее, полной истории экспедиции, была опубликована в двух строкках газетной телеграммы: «На Память открыты богатейшие залежи лазоревое камня янвис-лазури».

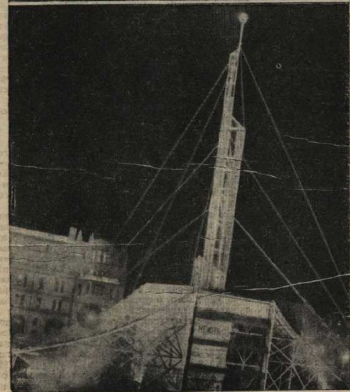
Как это надлежит раздельному порреспо- нденту, мы сообщим подробности, и этии наша вадана исчерпана. Выздоровевший Висковский впоследствии узнал о письме геолога Н. Ви- ковского, указавшем на богатство и состояние.

В Таджикистане, в ущелье «Джан Канк», мы вскоре встретились снова и вместе разделили путь до афганской границы. Там опять случил- ся несчастный случай, и Висковский, ввиду сво- его, и следующая история, происшедшая с ним после серьезного внушения геолога Н., до- казывает, что указания приняты романтиком сасосудно, и Висковский ввиду остервененно- го мщения, Висковский удлинено и даже не- сколько обижено заявил:

— Да, но ведь Н. говорил о геологии, и он был прав. Но ведь Висковский, будучи после, не имеет ислы никакого отношения к жизни.

Уш! — он остался неспирным.

ПЫЛАЕТ ЗНАМЕНАМИ КРАСНАЯ ПЛ

Взгляни на Красную площадь.

Сивозь тысячелетние пространства летят и ней сегодня взоры трудящихся и угнетенных мира.

Антенна на крыше угрюмого многоэтажного пролетарского дома в Введенке ловит октябрьскую радиоволну.

Рано утром миллионы рук сорвали листок календаря, и цифра «7» бледно зашлепала в утреннем сумраке.

По наменным горцам, сияющим чистотой, процокала кавалерия. Сдержанно рокоча, проползли танки. Отбивая такт, повернув головы к мрамору мавзолея, прошли полки. Ворошилов сказал, и его слышали оба полушария: «Наши границы священные и нерушимы. Они полны рабоче-крестьянской кровью, и их никогда никому ни при каких обстоятельствах перейти мы не позволим. Наш праздник является праздником международного пролетариата. Мы в стране царей, помещиков и капиталистов первые взяли и удержали власть, пробили путь в новую историю человечества. За ними последуют миллионы и миллионы пролетариев всего мира».

Десять районов Москвы подошли ко входу на Красную площадь.

Ты идешь сегодня в этот чуть подмороженный утро с огромными цифрами, выбитыми и палком. Цифры! Одну из них ты крепко и

Вместе с автозаводом и заводом, вместе с красной знаменем, предприятиями Москвы — в твоих руках.

Идешь... На серую узорчатую графельные мази поспешно бе...», «Vive la...»

Ленин и Сталин — из... Ворошилов сказал: «1917 вместе с крестьянством коммунистической партии людей — Лениным — победил за социализм... За 15 лет добились грандиозных успехов продолжателем дела Ленина — Сталине».

ПЛОЩАДЬ, ИДУТ БОЕВЫЕ РЯДЫ...

...влад! В его серое, сухое, на завод вышел на улицу, фанерки из фанеры и примыленного профмилплана, рывшь в руке.

...Сталина, «Борцов» и «Дикой Трехгорной — лучшим твой завод выступает в пер-

...заву ГУМ нанесены стреми- «Да здравствует...», «Ес ле-

...встах гигантских портретов. ет назад рабочий класс со- испытанным руководством во главе с величайшим из в борьбе за рабочее дело, ронтельства социализма мы ов... Да здравствует верный большевик большевикон —

Ближе, ближе трибуна. Ты высоко поднимаешь свою цифру. Пусть ее увидит товарищ в военной шинели, что приветственно приподнял руку навстречу колонне и пригнет улыбку в усах (см. снимок в среднем ряду слева).

Но останавливаться нельзя. Прошел твой завод, прошли десятки других. Идет поколение, которое в дни Октября 1917 г. училось ходить, и поколение, обстрелянное еще в 1905 г. (см. снимок в среднем ряду справа). Идут веселые тичихи-зетейницы Трехгорной мануфактуры, они плещут на улицах, а вместе с ними ведет старых партизан т. СЕДОЙ, руководитель денябрьского восстания 1905 г. на Пресне.

Вечером Москва полыхнет. В электрическом силнии на фасаде Дома союзов выступает суровая фигура рабочего и рядом две даты: «ОКТАБРЬ 1917 г.—ОКТАБРЬ 1932 г.» (см. центральный снимок в среднем ряду).

Пройдут десятилетия, пролетарская революция победит во всем мире, новые даты вспыхнут огнями новых электростанций, которые воздвигнет победоносный пролетариат.

КАМПАНИЯ

Неожиданно на середине моста телега проваливается, задние колеса беззащитно виснут в воздухе. Лошадь глубоко дышит животом, упирается в гулкие бревна тонкими дрожжащими ногами, и свешив ушами.

— Приехали!... — говорит потный Миша Березин, прикладывая руку к лбу. В сумке у него в галстучном кося набитый портфель. Чорт бы их взял!

— Вот именно, — смеется маленькая Лида Воронова, ловя ногами землю.

Политинструктор Миша Березин остается терпеть дорожную озадаку и моментально обкладывает себя десятком газет. Он так загружен, что читает один только передовику, а для развлечения чуть-чуть петитнику с четвертой полосы.

Лида Воронова, член бюро комсомольской ячейки, разнуздывает лошадь, дает ей с телеги соломы и под такт сочного лошадиного хруста подкачивается в Рабушкинскую за лошадь. Дорога бросается на крутой откат и исчезает под куделью соломенных крыш. Деревья лежат на высоком холме, заглядывая чердаками в реку. Через каждые три дня Лида Воронова приезжает на этот берег из района с инструктором Мишей Березиным проводить в колхозе политзанятия. С тех пор как она была выдвинута колхозом в районное правление на работу счетоводом, Лида стала считать себя своеобразным лицом на самых ответственных колхозных собраниях. До этого она сидела на политзанятиях в десятом ряду интакх и зарезанных шапками парт всегда немного болела, инструкторского вопроса к ней по текущему моменту.

Небо медленно наливается синевой. Столетье совсем тихо, только неутомимый треск жуковичков прерывает каждое движение.

Дверь школы оказывается крепко заколочена. Три дня назад в ней спокойно проводились очередные политзанятия и даже было объявлено всем присутствующим колхозникам обязательство по увеличению темпов сворачивания.

— Орудует шпала, во-первых орудует... — с робостью говорит Лида Воронова и свешив по крайней стене тропинку, задвигая усадьбу, но основное правление балабайки у крайней избы.— Ну, народ...

Высокая старая крапива осами жжет ей ноги.

— Лежцы приехали!... — взмывает гудящей балабайкой парня в похоловшем летнем джемпере по пупку и в высоких кожаных сапогах, густо пахнущих дегтем.— Очень желаем видеть лекцию...

Девчата смывают ил, смущенно прижимаясь друг к другу, глядя на Лиду Воронову заискивающими глазами. Одна из них совершенно растерялась и стала жевать зажатую в руке крапиву.

— Мост разобрали... дверь заколочена... — мнетя Воронова.

— Не пойдем! — отвечает за всех парней в джемпере и хвастливо почесывает сапогом мягкую телячью землю.— Просим не настаивать...

Девчата опять молчат и смотрят на свои босые ноги.

— Ты, косяк чорт, не имеешь права за всех отвечать!... — торжится из-за свежего сруба секретарь ячейки Надя Егорова.— Ты из своих выгод на бабскую работу не имеешь права рачет инеть.

Громко ругаясь, она загорадила широко раставленными локтями парня в джемпере.

— Ты, Индка, трудностям на социалистическом пути никак не поддавайся. Хулиганит он все, косяк!... Папаша его, Пеньков, голодной торгует, а он лезает к нам народ шортить!... Девки его за фасон большие любяют... этого со всех сторон антиколхозного элемента!

Подавая, она ткнула под платок волосы и так же нежиданно, как и пришла, шаркнулась к заколоченой школе.

— Идти настоящие ребята из города не бегут. Они там на месте. А он, косяк чорт, на их отсутствие свой успех ищет!...

Рядом, в болотной низине, пахнущей ландышами, звенит комар. Он звенит, как высокая

По партам в чинном внимании расселись колхозники

струя балабайки, сплывая с песней в соседней деревне.

— В Ильинском тебось гуляют!... — обижено говорит Степан Пеньков, поправляя тугой джемпер.— Как-ка же здесь лекция!

Лида Воронова вспомнила поджидавшего ее политинструктора Мишу Березина на дырчовом мосту. Она припомнила его сутуловатую, костлявую фигуру и поглядывала на крупные и плотные плечи Степана Пенькова.

— Я из-за тебя пойдю к председателю!... — с трудом сказала она.— Он моментально влезет на тебя ийдет... Думаешь, я тебя тоже испугаюсь? Цапай!

При упоминании о председателе Степан Пеньков мягчал.

— Берч, берч своих денюк!... — смеется он, — русский они колхозный мост чинят. А председатели от деля отрывають нечего. Бис, чертёк, сьолько всех, а он небось один председателю.

Девчата затаивают песню и спускаются к водоему. Окруженная ими, Лида Воронова одна не поет и, кутая губы, злится на телесную инструкторскую хлбность.

2

Мост был вскоре восстановлен. Из-за небезопасного в хом низменного леса медленно выкатывалась спелая луна и, остановившись, из

небе, засмотрелась в золотый монастырский луноч. Сразу во всех концах хорон зазавали собаки, а в Ильинском стали петь еще сильнее.

Политинструктора Мишу Березина все любил в колхозе. Один докчи повеял его лошадь, труженую инвестарем для колхоза, в усадьбу, а другие потащили мешок с премияльной литературой, величиной с матрац, в уже освещенную школу.

Дорогой Лида Воронова встретила председателя колхоза. Он шел в раздумьи и звонко был кнутом по широкому голенищу сапога.

— Иду скирдовку на базах еще раз посмотреть!... — сказал он, улыбаясь в локматые усы.— Сердце у меня болит.

Лида Воронова повернула и пошла с ним рядом. Она может быть и не сделала бы этого, но от все не отставал Степан Пеньков и председателю ее разговорила. Пеньков пошел тоже рядом и все время гудно улыбался.

— Теперь обмол скоро!... — сказал председателю.— Плохо все понимают значение настоящих кампания.

— Политзанятие у нас сегодня на эту тему!... — сказала Лида Воронова.— С премиями!... Кто лучше всех работает в поле и понимает значение настоящих кампания в политическом смысле, тот непременно получит ширпотреб-литературу для знания, а за особую работу...

Задание бригады было перевыполнено

путьку в монастырский дом отдыха на две недели.

— И все задаром?—спросил Степан Пеньков.
— Заровно,—сказал председатель колхоза.—Нужно из отюек зайти, проверить свой урожай.

На скошенных базах пахло повывкой и свежей соломой. Соломинки в снопах хлеб походили на шагалы. Кузнечики трещали оглушительно. Лида Воронова не видит сложенного хлеба и не слышит кузнечиков. Ее притесняет картина жатвы, и она кивисто мучуется томительною лозоту в спине. В пропалогоднюю уборочную кампанию она показала рекорд по живилью. Ее принесли в комсомол. От ночных работ она сначала охрипла, а потом стала говорить срывным басом. Уйеика поручила ей работу счетовода в районе.

— Живилье у нас в полном порядке.—сказал председатель колхоза. — А с вами инвентарь будет совершенно, как инвентарь. Рама твоя, Лида, выдвинута, значит ищем на твой счет свое мнение. Премировать теперь надо Натку Монахову. Она бьет рекорд на гавке и протыкает в розовый цвет. Дерев!

Воронова припомнила Натку: она сидела рядом со Степаном Пеньковым и от смущения кусала застывшую в руке крапиву.

— Лучших девчат разгазигирут,—подумала Воронова.

— Председатель!—вскрикнул Степан Пеньков.—Самыми, председатели, а если в колхозе например пожар случится, предположим, от нештатных к этому причин... Небося, каждый за свой сундук прежде всего схватится... Вот смышлю!

— Ниш, иди,—сказал председатель.—Делать тебе совершенно шут, нечего. К своему папаше сиекузывать иди...

— Но и на обратном пути в школу Степан Пеньков все не отставал.

— Вы, товарищи Воронова, следовательно должны понять,— быстро стал он размахивать руками, точно ловил комаров.—От грусти сюда ездят из города... От самой настоящей грусти. Можете себе представить, и дед и отец жились в этом монастыре, а теперь в нем шит и отдухают. Можете себе представить...

Кругом было темно и тихо.

— Ты меня не угорывай,—тихо сказала Лида Воронова.—Монастырь очень хорон... Поминки, а если в семнадцатом году монахи пратали хлеб? Поминки, тогда был им убит коммунист Макаров, присланный городом за народный хлеб? Поминки? А вот прошлый год, в нем отдала... и поправилась на два кило. Мои бабка от молния в монастыре худела, а и поправилась на два кило...

— Лида,—сказал с отчаянной настойчивостью Степан Пеньков.—И вообще произвожу, в городе выделывание. Не забывайте. И покупайте старые сапоги и продавайте за новые. Лида, не сорвонитесь! и бросайте приежаать с лекциями. Приежайте, Лида, лучше просто так, без лекций...

Из открытого окна школы вырвался свет и тихое Видно политзанятия уже началось. Лида Воронова вырвала руку и побежала к школе.

Степан Пеньков доминал ее второй год. Особенно он стал прилежен в этом, когда она стала членом бюро уйеики. Он товарищ ей, но покупайте старые сапоги и продавайте за новые. Лида, не сорвонитесь! и бросайте приежаать с лекциями. Приежайте, Лида, лучше просто так, без лекций...

После этого она стала аккуратно через каждые три дня посещать политзанятия и кой-что понимать.

3

К школе идут все девчата колхоза. Они идут исторопико, как на гуляние. Степан Пеньков направляется впоперек деревни в соседнее село Ильинское. Везде там так светло и так тихо, точно они за версту хотели перекрыть политзанятия в колхозе.

Вени в школе приобретают то знание, которое они и должны иметь. Над годовыми, как свои, качается такая же синева, как у чужих. Везде там так светло и так тихо, точно они за версту хотели перекрыть политзанятия в колхозе.

Вени в школе приобретают то знание, которое они и должны иметь. Над годовыми, как свои, качается такая же синева, как у чужих. Везде там так светло и так тихо, точно они за версту хотели перекрыть политзанятия в колхозе.

Тракторист объяснял устройство трактора всем колхозникам

Миша Березин окончательно перестает чувствовать уйеики. Ситневая рубашка его вылезла из-под брюк, концы волос намочки от напряжения и духота и беспомощно свесились на глаза. На столе лежат грузды газеты, журналы, книги. Это—пресни, знаки отгички колхозников.

После объяснения условий полтбюро Миша Березин с наслаждением победноно закладывает руку за спину, прохаживается между двумя рядками парт и обдумывает первый вопрос.

— Кака основная задача стоит перед комсомолом деревни в настоящий момент? Думать можно три минуты.

Все думают три минуты, не глядя никуда и ни на что.

— Кто первый? Давший исчерпывающий ответ получает два очка, а слушают все остальные.

Губы Натки беспомощно расплазуются, и она их не может удержать.

— Урожай сить... — Правильно! Сить урожай. А как сить урожай?

— Это Натке известно больше, чем кому-либо. Она бригадир, и это ее основная задача.

— Бис потерь сить...—тверже отвечает он.

— Правильно! Сить без потерь. Итак, Натка Монахова получает одно очко.

— Кинуг? — Да, тургенский роман... — С картинками?.

— Картины сить не при чте... — досадует Миша Березин.—Следующий раз по этому вопросу у нас будет беседа под углом представителя дворянского класса и под углом представителя пролетарского класса.

— Твою мать,—смычно вырывается басыный восторг из открытого окна. Это виласы Степан Пеньков из Ильинского вместе с ныльскими девчатыми Угорвога они на летач не подействовали. Девчата захогели пойти в Рыбукинское в школу, несмотря на сиюную теплоту вечера и лозоту в ногах.

Все помушествовало к нему отравление.

— Ты иди отсюда, кособь порт,—сказала секретарь уйеики Нада Егорова.— Он все преворается, кособь порт, что ему грустно... Приежаай да разными разговорами заниматься. Натка думает, что он от сумки хулиганит и мало правдывает значения полтзанятием, а он думает вовсе наоборот. На думачках он хочет сорвать наше общее дело. За пущаки цепляется...

В окая школе больше не стала доделывать песни из Ильинского. Тинина окружает школу и делает ее сердцем деревни.

— Пускай он объяснится... Где была, как жил,—говорит Лида Воронова. Но Степан Пеньков молчит, и все тоже молчит. Потом Миша Березин кончат объяснить решения конференции комсомола и тем же убийственно однообразным тоном начинают производить очередное разоблачение.

— Задачи политлетки выйти обриту своего выражения...

В углу тускнеют глаза и скрипуче зевают.

— Миша, не надо этого,—говорит Лида Воронова.—Разоблачен он вполне достаточно. Лучше, Миша, объясни, как лучше крестны складывать—шашками или радами. Спор у нас по этой части.

Лицо политинструктора Миши Березина напрягается до красноты и кажется вот-вот дохнет.

— Я не агроном,—тихо говорит Миша.

— У нас нет агронома... Вот бы политбюро из эту тему,—ментально говорит Лида.—Никаких пресни не пущай.

— Это, Лида, совершенно правильно!—хлопает задом по портфелю Миша Березин.—Политинструктор в деревне должен быть и правильным хозяйственником. Ты и дуй по этой части.

Он хочет и дальше развивать свою пенсекакую мысль, но Лида Воронова не слушает его и вся уходит во внимание. По ушине идут криксивыми гудящими ставни молодые колхозники, равняются по небам пометные знаки отгички, а из-за синих берг пробивается первый рассвет, пахнет свежестью.

ТЯНЬ-ШАНЬ

Два пятитонных грузовика, скриня тормозами, осторожно пробираются по дороге, нависшей над пропастью, шумя колесами по камням. Воды, ревет чуж. Дорога летит по склону ущелья, сплывающего мощными хребтами—Александровским и Кунгей-Алату. Тракт ведет от конечной пункта автомобильной дороги, называемой городом Киргизской республикой, до поселка Рыбачье, пристани на берегу огромного моря—озера Иссык-Куль.

Грузовики загромождены вещами и мешками—грузом высокогорной экспедиции «Международный фильм» на Тянь-Шань. Состав экспедиции тут же—на ящиках и мешках. Нас 10 человек: 6 кинооператоров и 5 туристов-актеров. 10 июля мы выехали из Москвы и направляемся в малоисследованные высокогорные области Центрального Тянь-Шаня, имея задание заснять полнометражный звуковой экспедиционный фильм на материале горной Киргизии. С собой везем запас снаряжения и продовольствия, вооружение для охоты и охраны экспедиции, высокогорные принадлежности: котлы, ледорубы, перчатки и пр. Около пяти месяцев мы должны будем прожить в горах.

Советский зритель хочет знать своих стран. Есть еще много в нашем Союзе таких мест, где редко ступала нога исследователя. Наша задача—осветить один из таких наименее доступных и почти неизвестных широким массам районов—Центральный Тянь-Шань, пограничную Киргизии с Узбекистаном территорию. В сюжетном фильме, сделанном в жанре «организованного документа», мы должны показать работу группы пролетарских туристов-высокогорцев, пришедших из Советской Киргизии на Тянь-Шань, борьбу вечеральных воздушных кочевников за новые формы жизни—за ковчеге колхоза.

Высоко в горах, за неприступными ледниками и трудно проходимыми перевалами, живут и борются за новые формы быта и хозяйства—за колхозы—кочевники-киргизы. У молодых колхозов много врагов: расклеванные и израненные банками лодки, падающие с высоты в ущелья снежные лавины, бушующие в преддверии нашей страны болотозави. На страже неприкосновенности наших границ стоят расклеванные дилеммы в горах заставы пограничников, в долине, в долине, в долине городов, укрепляется экономическая и культурная связь молодой Киргизской республики.

Озеро Иссык-Куль—теплое озеро, как его называют киргизы—расположено выше снежной линии на высоте 1504 метров над уровнем моря. Это самое большое в мире высокогорное озеро. Несколько лет назад оно было заселено только дикими птицами. Сейчас несколько пароводов регулярно крейсеруют по его водам, борясь с дикими ветрами и поддерживая регулярную связь между поселком Рыбачье и районным центром горной Киргизии—городом Каракол.

В Караколе наша экспедиция формирует караван. Мы покупаем на конной базе верховых и караванных лошадей. Неожиданные горные копыта дурит и подкашивает сбросить всадников и вьюки. Целые дни идет подготовительная суета.

Мы попутно железом тяжелые горные ботинки, распределяем грузы по хребтам. Тесноватая Караван в 28 лошадей длинной вереницей растянулся по пыльной дороге. Мы идем по долине с одной стороны—озеро, с другой—могучие скалистые вершины снежных перевалов. Алату, через которые мы должны будем перевалить, свернув налево, в долине Дзукана.

Место нашего назначения—высокогорные долины-сары, расклеванные в хребтах Тянь-Шаня. Тут мы трудно проходимые, непролетенные тропы, доступные только верховым да вьюкам с малой нагрузкой. На сырцах на высоте 3500 и более метров растет только низкорослая трава да эдельвейсы—высокогорные цветы.

Вступая в горы, в лагерь наш принял боевой характер. Установлено постоянное ночное дежурство-охраны. Рождая патионы, и каждый из лагерей экспедиции получил инструкцию на случай тревоги. Классовая борьба в ауле выбрасывает за его черту соревнующихся по-

В тумане, на высоте 4.500 метров

литике партии кулаков и маляков. Часть из них бежит в горы и бродит здесь, совершая налеты на отдельные колхозники и на стада, пока не будет изгнана пораненными и испуганными надлежащего возмездия. Правда, такие случаи стали уже довольно редкими, но все же не исчезли полностью, и надо быть начеку. Фронт стал работой сплошной коллективизации, бам лететь некуда, и это делает их более опасными и способными на все. Но нас 16 человек, мы хорошо вооружены, а ребята у нас боевые—члены «Динамо», под флагом которого идет вся туристская группа.

Пыльная дорога Иссык-Кульской долины соединяет узенькой тропой, то выходящей по берегу горной реки, берущей свое начало из ледников, то свисающей по обрывам скал, то залезающей под самые облака. Тропа все время прерывается. Вперед идет разведка, которая осматривает путь, находит и терит тропу и указывает направление каравану.

Сзади трое червон экспедиции прикрывают путь в виде арьергарда. Последние караванные грузовые лошади. Несколько раз переходим вброд бурные реки. Моментами приходится долго искать брод. Вода несется среди камней бешеным потоком. Снег—не спасешься, убоит и всадника и лошадь. Лошадь хрипит и откашливается вти в воду. В хол прускается камнями—летящие из кожан плетни и веревки. На подмахах вверх лошади приходятся карабкаться по каменистым ступенькам, как по лестнице. Моментами вьюки застревают в камнях, и их приходится вытаскивать на руках. Лошадки уже побили ноги в кровь, и нам тут отмечен сзади кровавыми пятнами на камнях.

Еловый лес кончается. Видно, как высокогорный иный разряженный воздух борется с деревом. Мощная ель выражается и смешивается с арчей—древовидным можжевельником. Высокие столбы можжевельника вьются над высотой, превращаются в карликовые деревья, в кусты и наконец в расклеванные по земле совершенно плоские лещики. Наконец на высоте около 3500 метров над уровнем моря пропадают почти все ели. Крутом все голо. У реки—мелкая зеленая трава. Крутом горы, всех цветов камня, впереди, прямо перед нами—грандиозные вершины, серокаменные вечными снегами и льдами.

Лошадки тяжело дышат. С обидными гор кашает кровь. Люди измучены. Мы подлизались к леднику. Внизу тучный путь—вигромоздленные острок кановыхх лавы. Концы ели! Природа сумела так накрыть камень, всадить его приручными горами, завалить льдами, пронизать быстрыми речками и украсить мощными водопадами. Тропа, по которой мы подлизались в леднику, не может быть названа даже тропой. Ее просто не существует. Опознается она только по следам вьюка, сохранившегося от проходивших караванов. Никаких дру-

гих признаков нет. Идем, ориентируясь по горам. Низкая растительность. Ничего, кроме льдов и камней. Прямо перед нами ледник. Ослепительная поверхность свисла к нам крутым спуском. На это пузо надо подняться, чтобы пройти по леднику несколько километров к перевалу.

Надвигаются темные ошк-консервы, без которых можно ослепнуть так называемой ледниковой слепотой. Достаям ледорубы и веревки. Начинаем по-одиночке тащить лошадей наверх. Один берет под вьюки, второй тащит за хвост, третий подставляет качечей. Остальные стоят наготове. Лошадки падают на колени, набок, скользят вниз, но все же часа через два все караваном идут по поверхности ледника. Высота перевала—4100 метров. Это уже не шутка. Помощник режиссера, бывший летчик, полни-машинист на самолете не раз на высоту, вдруг качается и падает. Его тащат вверх на лошади—первая группа горной болезни.

У кого-то носом идет кровь, у некоторых болит голова. Дорога очень трудна. Лед покрывает острими игами и серками. Каждую минуту путь превращают залопенные водой трещины, через которые лошади должны прыгать. Вперед идет человек, исследующий трещины во избежание провала и гибели лошадей. Лошадки упираются перед трещинами, бесцельно пытаются скинуть вьюк. У одной из лошадей показывается кровь из носу. Что это такое—лошадная горная болезнь, что ли?

Наконец ледник пройден, и мы вышли в ущелье с грубом плетнем и мы выходим в широкую долину. Мы на сырцах Центрального Тянь-Шаня. Крутом ледные горы. Слева мощный хребет Аш-Ширак со сплюснутыми с него грандиозными ледниками. Никто еще не поднялся ни на одну из этих вершин, никто еще не прошел полностью ни один из этих ледников. Какие богатства таит в себе эти горы! Горы ждут еще своих исследователей. Пока же они не изучены и на картах обозначены приблизительно.

Солнце перевалило к западу. Идем по широкой долине, поднимаемся на холмы и спускаемся в долину. Крутом мертво. Никакой трава да сурковые горы. Сурки—хозяева долины. Они днем сидят перед своими норами, никем не тревожимые и не изгнанные. Живые зверьки копыт сапо на долготу змучу, затисли в свои глубины горы сено и корешки. Самки с детенышами бродят около нор. Самцы, как милиционеры сыртов, «регулируют движение».

рески свистом предупреждают о появлении опасности. С захлопом толпы суриков ложатся спать в своих норах. Они ведут исключительно размеренный образ жизни. С наступлением темноты те гор спускаются стадами к водным источникам, гонимы с горами стадами горных козлов—кинов, и горных баранов—загона. Загона стадо в горы, вошки режут их десятками, наживая доювала, оставляя остальных в стаде. В дождливый сезон в горах шумная лынджам—гройам и синям (конюрам).

Визу, под ногами на гайбине 14—2 метр всякая мерзота. Кругом покрыты веснами снегами горные хребты со сплюснутыми с них грядками и долинами. Высокой горой Тяньшаньская обсерватория—стоит на высоте 3000 метров. В долинах, за перебалками, визу, жаркое лето. Все в зеве. Зеве—по ночам морозы, так в дождливый сезон. В горах кроме мхов, лишайников жесткой травы, солончак и сазов.

Станция продвигает большую научную и практическую работу. Это—новых знаний, изучение водных ресурсов Ср. Азии. Тут же, около станции, из-под ледника бегут тучные воды горной реки: это исток среднеазиатской водной артерии—Сыр-Дарья. Визу долина долина. В долине—вброд реку. Идем десятки километров, не встречая ни жилья, ни живых людей. Только скелеты животных у тропы, грифы в небе, да изредка показывающиеся скрывающиеся в скалах гроджовики. Поднимаемся на стратегический перевал Ак-Бель, сплавляясь силами ветрами и морями. Берем его сравнительно легко; сейчас он доступен, зимой же не раз на нем заперта лавина. Поднимаемся на стратегический перевал Карасай, снова форсируем реку, с большим трудом найдем брод и борясь с обильным течением. Берем еще несколько небольших перевалов и наконец последней ночью достигаем долины Илтык, где разбиваем свой лагерь—базу по соседству с пограничной заставой. Здесь стоит маленький, состоящий из юрт поселок пограничников, здесь качают несколько аулов асфальтов и здесь мы должны проделать нашу основную работу по картине.

Рядом с заставой вырастает шаг городок, состоящий из 7 палаток, 1 юрты-кухни и «клуба». Давь день отаждя всей асфальти. Лопаша под окнами двух десятков палаток на пастбище. Присутствует к распылке и пологотве имущества и снаряжения. С завтрашнего дня начинаются регулярные сессии работы. Сессии проводятся в форме семинаров, лекций, репорта. Я с ними сталкиваюсь уже во время Памирской экспедиции 1928 года. В исключительно тяжелых условиях, на высоте сыртов, они стоят на страже неприкосновенности родины. Иные из них вступают в коммунистические горные тропы и непроходимые пустыни мы не страшились. Они изучены все перевалы и тайные тропинки. Нет такого места, где от них мог бы уйти контрабандист или проклятый басма. Мы им обязаны уничтожением остатков басмачества и ликвидацией байско-манапских баз. Наряду со своей боевой работой они ведут также огромную политико-просветительскую работу, состоящую из лекций, выступлений, помощи в организации кочевых коллективов, в постройке школ и т. д.

Через пограничников узнаю, где находится контора джайлигарской почты. Она была обрублена в сторону на 60 километров. Послаю туда гонца, и на другой день к нам приезжает работница совета для переговоров об организации сессии. Еще по Фрунзе, в штаб, прошу и ЦИК Киргизии снабдить нас специальным письмом на русском и киргизском языках об оказании нам содействия в сессиях. Представители кочечевого совета договариваются с нами и уезжают и себе в аул, обещая известить о принятых мероприятиях. Через день приезжает аульный активист Мамбет и сообщает, что было собрание кочевников, которые постановили всем аулам участвовать в пять участие в сессиях Карая, которая покажет всему Союзу жизнь кочевого аула-коулоча на Тянь-Шане. Для этого выделена специальная бригада содействия по главе с бригадиром Мамбетом.

Как меняется лицо горной Киргизии! Еще в 1928 году пережитки родового строя были так сильны и заметны. Бай-хулак и манья правды, родины. Советские организации нередко завыпяливались тайно родовыми вожаками. Партийные и комсомольские организации были засорены их агентурой. И вот в 1931 году горная Киргизия стала рабочим сплошной коллективизации. Бай и манья выгнаны и частично высланы. Партийная и комсомольская органи-

зации очистились и заняли должное положение в руководстве строительством социализма. С каждым днем все больше падают и рушатся пережитки старины, пережитки родового и феодального строя. Все масса бедняков и середняков устремилась в созданные колхозы. Вытесненные кочевники массами садятся на землю. Деревянные полозья «чуйней» вытесняются тракторами. Вчерашний дырявый выгнанный бай, манья и музук, обидчивый в колхозах, работает трактористом в МТС, идет в школу и в корне перестраивает свою жизнь. В горах кочевники-сковопаны, сотни лет жившие по законам джесов, об'единяются в товарищества по соседней пастбище скота и далее—а кочевые колхозы. Идет контрактация скота и шерсти. Создаются кооперативы, школы, медицинские пункты. Пустынные сырты превращаются в мощную базу советского скотоводства. Намечается создание грандиозных совхозов «Овце-вододреста». Меняется лицо вышерей сырой пустыни.

В бригаде, выделенной нам для помощи, есть и комсомольцы. Одни мне рассказывают о тех трудностях, которые пришлось пережить организации в аулах. Рассказывает, как—баш пытался создать «родовые ячейки», как агитировали за несуществующие комсомольцы из других родов в эти ячейки, как шла борьба и как победила комсомольская организация.

По сценарию фильма, мы должны заснять на сыртах жилья и быт кочевого колхоза и изюрод классовую борьбу, разыгравшуюся в этом колхозе. Неожиданно мы сталкиваемся с серьезнейшим затруднением. Нет «актерья-музыки, никакого не выданное кино, категорически отказываются изображать баяв. Они—колхозники, они—изгнаны своих баяв, и никто из них не позволяет даже называть себя баяв. Приходится договариваться с бригадиром, пускается на хитрость, снимаю отдельные куски картины и переменяя с емку колхозников с емками «бай-скинз кусков. Хитрость удается до того момента, пока не надо снимать момент задержания и ареста баяв. Тут все раскрывается. Приходится, отсняв эту сцену, немедленно, для успокоения «артистов», снова их снимать уже в виде колхозников. Это их успокаивает, и они идут с красным колхозным флагом и себе в аул вполне удовлетворенные и успокоенные.

На сессии в ауле с'ехалось все окрестное кочеево население сыртов. За 100—150 километров. Со всей округи приехали целыми семьями: старики, взрослые, женщины и дети. Принадлежат даже грудных ребят.

Избравшись нами аул-коулоч имени 1 мая со всем своим имуществом—стадами баранов, коз и табунами коней и кобыл—перекочевал в указанное место—в долину Боркюдоя. На доие грандиозных снеговых вершин правильными полукругом выстроился 11 юрт. Рекут

баранов, гонит козак под чужими названиями-котами, готовятся к празднику.

Подсмотренными нами и изученными заранее быт заносится в монтажные листы. Оператор готовит кадры с пленкой, делает пробы. Группа готовится к наиболее ответственным сессиям.

Начинается праздник в ознаменование победы колхозных снакунов на соревнованиях визу, в Карколе. Организуем с емку, заставка жизни, быт и экономику аула, мы не сбиваем обычного течения жизни и организация праздника.

Снимаем спортивные игры, снимаем самобытные национальные танцы под аккомпанемент комоса—подобия нашей балалайки. Снимаем игру женщин на оригинальном инструменте темер-комосе—маленькой железной пластинки, которой играют на аулах.

Далее следует «той»—торжественный обед. Этот старинный обычай еще в этом году оказал большую помощь в работе кочевого совета для сбора кочевого населения и привлечения его к работе. На это то была проведена первоначальная разъяснительная работа о задачах совета в Алай-гуйльчинском районе.

После той колхозники устраивают байгу—сезны на ивках, огромных косматых животных, похожих на бизонов, полу-быка, полу-буйвола, с конскими хвостами и огромными рогами. Эти животные водятся только в высокогорных областях и пререзают себя куствуют в разреженном воздухе. Подробно, но за ранее продуманному и разработанному плану, снимаем все происходящее. Полноту снимаем быт и экономику кочевого аула; изготовление самодельных тканей, доуку скота, жилья юрты. Снимаем работу совета и красной юрты. Снимаем работу туристов-высокоточников. Снимаем работу пограничников и их боевой выезд в погоню за баяв, угнанными табуна.

Так проходит в работе месяц. Вся работа с кочевым аулом закончена. Последняя сессия—в районе Илтыка: пошла на кино, огромных горных козлов. Организуем загон, огромных дичухих охотников. Намечаю место для аппарата, замаскированного в скалах. В охоте принимают участие пограничники, замечательные стрелки. Все, как один,—стайлоры.

Заранее в ущелье Боор-Албоз выслезены стада. По сигналу начинается гон. Стадо выгнано и мчит по скалам. Аппарат накручивает метра пленки, фиксирует редкое зрелище. Несколько киноков срезано меткими выстрелами. Семка кончена, и караван возвращается в лагерь, везя поперек седел несколько туш зверей.

Кончена и все с емки с пограничниками. Прощальное заседание работников экспедиции с красноармейцами заставы. Группа, уезжая, принимает культурное шефство над заставой. Прощаемся и с киргизами, кончующими на зимние стоянки в район Ак-Ширака. Раздаем воз-

ДИСПЕТЧЕР

Дорога заманила, но грязная.
Дорога у яблон, прутья
Играет пятнадцатая весна
Серебряной кровью руты,
И снова шальные поезда бега
Рисует узримо память.
Пытается дымный вокзал тайга
Смолистым колючим обманить.
Мозаика звезд. Разговор козес.
Серебряный, звонкий вечер.
Вспрыз и надолго к столу прирос
Безусый герой-диспетчер.
Владимир Гонтюв все равно:
Воскрес, не воскрес ли Цезарь?..
Но знал комсомолом давным-давно,
Что май засмеется в реалье.
Мы дрались отчаяно за билет
Со всей комсомольской хваткой.
Была с честью проведена ударной рейд,
Маршрут боевой зарядки.
И Гонтюв, упрямя нахмуришь лоб,
Свой вечер стенами сузил.

Кажется пуганцами племь,
Железнодорожный узел.
Участок диспетчерский неширок,
Длинно же—за девяносто.
Благодаря парамонам и б не смог,
И это не так уж просто.
Но Гонтюв улыбочко кривит рот,
Бросая мне хладнокровно:
— Вот графинь, смотри-ка: курьерский прет!
На поезде, воздушной броне.
Мне жарко от этих коротких фраз,
Я чувствую мокрый галстук.
Владимир над победивший класс
Ответственной участок.

Маршруты томительны и длинны.
Гремя, товарный прогресса.
В участке диспетчерский салетены
Упрямя зырык класса.

ЛЮКОВ БЕЛНИНСКИЙ

НАМ ЦВЕТУТ
ИНЫЕ РОЗЫ

Мы в книгах читали
про эти вырубленные —

Нежные вырубленные
и розовой нету!

Да, в ледянке черной,
луной озаренных,

Они привнесли
любимым букетам.

Цветы расцветали,
как щетки кувшинок,

Как в ояках зимой
из бувашиных братьях.

В цветочках канопных
дарили франтихи

Сентиментальным
и нежным букетам.

И ювенил мейл
в сатиновой ночи

И дельс мечтала
под светом сусальным,

И жизнь выстукала,
желatina оченя,

Карельским дуром
кровати безупысланно..

Ярость усмирн свою,
не иши неженых сюлдств —

Ничего, что я стою
У ларька «Господомолства».

Ужасен мой ступень карозно,
Помни, мудростью окован;

Нам цветут иные розы
Из веленок лепестковых.

Только зимним дном прекрасной
Расцветут цветы всех красок.

Видишь, роз мажик горят,
Тоже щетки октябрят.

Светится, заостри выинявше:
Ужасен мой ступень карозно,

Знай, что живши дельс дымные
Заново рождают вельи.

Над станком, звенящим сталью,
Под руками салотены

Расцветают цветы всех красок,
И дельс будет обретен и претончен и

Зелена по завалам.

Экзаны клубятся внизу

туют с собой на Моксыя мануфактуру и изделия. Во время зимы в ауле экспедиция проделала немалую работу по оказанию медпомощи козешникам. Прощаемся, собираем наш полынтин городок и снова караваном двигаемся к леднику, где нас предстоит еще значительные и наиболее тяжелые сессии с туристами, идущими к перевалу.

Снова длинной вереницей тянется караван. Снова вперед разведка и следы арктиста. Снова мы в долине Ак-Ширак у обсерватории. Старые работники уехали, им на смену прибыли новые, в числе их впервые—две женщины. Девь отадыка в обсерватории, и мы всем караваном вступаем на ледник Петрова. Это наиболее крупный ледник в системе хребта Ак-Ширак. Его длину определяют в 20 и более километров. Но это ориентировочно, так как никто его еще полностью не прошел. Исследованы весьма только в низовьях. Выбран защищенное местечко на морене ледника, разбиваем лагерь. Как кругом сурово, мрачно и вместе с тем красиво! Крутом неширочайшие вершины, которых еще никогда не поимрала нога человека. Мертвой ледяной рекой, широкой, как Волга, простирается ледник. Его поверхность изрезана страшными глубокими трещинами. Тряпчат сфероконцы на солнце горю.

Повсичам дельс осмотру и изучению ледника и намечению сессийных точек. По ходу сессий нам нужна ледяная пещера. В обсерватории нам сказали, что пещера была, но обвалилась, и теперь на леднике известных пещер нет. Решаем сделать открытие. Иду на разведку с т. Курпером—и нам везет. По шуму подледниковой речки определяю пустоту. Лежурками разбиваю ледяные скалесты и, для безопасности связавшись альпийской веревкой лезем в тьмутую пещеру. Обследование дает блестящие результаты. Нам открыта грандиозная ледяная пещера с несколькими выходами. Немного расширим вход ледуровыми, и пещера готова для сессок. С магнитофонами факелами она будет очень хороша, если конечно не впадет неаккуратно обвалившись на наши головы во время сессок.

Перебираемся с аппаратурой через трещину, таящую за собой лавашей, рискуя погнубить их. На руках аппаратуру тащит пет отосиды. С восхода и до заката мы на леднике. Успешно заняли сены в пещере. Снимая переход туристок через трещину, подобрали большое отражательное зеркало—оно свалилось в трещину. Это же трещина чуть не загубила нашу астро-туристку. Пригна на веревке через трещину, она опустилась и выкинула ногу.

Большим трудом закончили сессии на леднике. Выходим и выстуляем к перевалу Джукучак, на ледяной стене которого должны были закончить все ледниковые сессии. Остановились лагерем под самым перевалом. Высота более 4 тыс. метров. Ночные морозы отчаян-

ные. Самочувствие у большинства—отчаянное. Один из туристок, прекрасный спортсмен, чемпион по боксу, совсем «загнулся» — не спит пять ночей и насильно вылезает на сессии. Оператор ночью неожиданно подвергся резкому припадку горной болезни — начал бредить, тряситься и стонать. Затем, задохнувшись, стал на морозе раскрываться и скидывать с себя одежду. Его насильно, под угрозой свалить первичной, удалили укрывать бараньими шкурами. Утром припадок прошел, и он, едва держась на ногах, отплевываясь кровью, вылез на сессии.

Остается последние сессии на леднике—подъем группы на почти отвесную ледяную стену. Огромное напряжение сил. Связанные альпийской веревкой и вырубая ступени ледуровыми, туристы лезут вверх. Все заматывается, и едва справляются с тяжелой работой; высота более 4 тыс. метров. На горизонте осяевые облака, грозившие наступлением метели. Надо торопиться. Наконец сессии подходят к концу. Писалово гонца в лагерь, с расположением улаживаться, помычнуться и выходить на перевал.

Поход на ледники и сярта закончился. Программа работ выполнена на все 100 процентов.

— Наступила ночь. Идем в темноте, с трудом различая тропу. Вось караван рвется скорее ветра. В середине ночи наводим удобную для стоянки лужайку и разбиваем палатки.

Путь по ущелью Джукучак и Джукуча пролеж незаметно. Снова идем, вернее сами лошади несут нас галопом по жаркой пыльной дороге мимо озера Искал-Куль и Каракол. В ущелью по дороге продуют огромные сочные зюбки, группы и арбузы.

Вот и толкуют Каракол. Снова мы стоим лагерь в саду под альпийскими. Удешивание чужаками. Незаметно подрались зина. Дельс. По чего же здорово! Только вчера мы были в пустыне, сегодня мы отдыхаем, крутом фрукты и тенью.

Дав дельс отдых караван. Снова за работу. Теней снимаем сам Каракол, его строительство, работу в колхозе и т. д.

Еще один каравашный выезд в ущелье Ликты-Огуз для сессии лесных пуганок сиде с туристами. Незаметно подрались зина. Осени как будто не было. Стали выпадать снег. Во-время закончили сессиюную работу. 5 ноября туристскую группу отпразднана в Москву. Заключившая сессия—мертвую пещеру и ледяная. Работа полностью окончена.

В полузубках и валенках как полные путешественники, едем на грузовнике по Бузискому ущелью. Озеро Искал-Куль—прошлое из нового теплого, построенном в Караколской «верфи», прямо на берегу озера. Под ногами железные ящики с пенькой. Там около 9 тыс. метров ценнейшего материала, который в России будет обработан и превращен в первую экспедиционную звуковую картину.

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

Рост литературного творчества молодежи, усиливающийся приток рукописей в редакцию художественных изданий, возмещение творческих язв в самых отдаленных уголках — все это служит поводом к величайшим культурным сдвигам, происходящим в нашей стране. Как никогда, остро ставится задача литературной молодежи — ведча учебной учебы. Решение ДК партии о перестройке литературных организаций обеспечивает базу для серьезной воспитательной работы с начинающими писателями, поэтами, шахт и колхоз. Переход творческой работы старшего поколения писателей к литературной молодежи — одна из форм этой работы.

Пристраст к немотивированности на страницах журнала ряда статей лучших поэтов и писателей о творчестве начинающих, редакция считает необходимым предпринять те товарищеские, которые станут писать в этих статьях конкретные рекомендации, советы и советы. Эти статьи на основании творчества молодых начинающих писателей, пришедших сюда произведения в «Смею», ставят общие вопросы творческого метода, работы над мировоззрением, образом, словарем. Они охватывают не только творческие методические проблемы, но и вопросы литературной эстетики. К написанию статей «Лаборатория творчества» редакции приглашены поэты и писатели, критики, литературоведы. Сегодня печатем статью г. А. ЖАРОВА. В ближайших номерах «Смею» будут помещены статьи гг. ОСПА МАНДЕЛЬШТАЙМА, СЕРГЕЯ ТРЕТЬЯКОВА, ИОСИПА УТКИНА, ИВАНА МОЛЧАНОВА.

Ал. Жаров

ОБ ОБЩИХ ФРАЗАХ И МИРОВОЗЗРЕНИИ

Авторы обобщения писали эти статьи, сопровождая их проблемами, давая конкретный ответ, указывая на достоинства и недостатки своих литературных опытов не «за общим и целом», а по деталям статьи.

Тов. Гавриков с Довлатом выдает даже в крайности, когда он, в ожидании получения замечания по деталям своих стихов, но технологу высказывает некоторое пренебрежение к указанным по части мировоззрения.

Тов. Гавриков пишет: «Я хотел бы, чтобы редакция не ограничивалась общими штампами о схематизме, о мировоззрении». Насчет общих фраз и штампов — правильное замечание. А насчет мировоззрения — зря.

Мировоззрение — главное, за что надо бороться, над чем надо работать автору писателя, в том, что и называем. В области мировоззрения в большой степени определяет и высоту литературной техники, высоту художественного мастерства. Во всяком случае: мировоззрение и мастерство писателя — вещи неразрывные. Это можно показать на стихотворении самого Т. Гаврикова, если даже идти по пути «указаний на конкретные детали слабостей стиха» — как об этом просит Т. Гавриков.

Герои стихотворений Т. Гаврикова — двое рабочих: один — Боев, рабочий-коренник, бывший участник гражданской войны; другой — Белов, рабочий из Колымы, бывший участником гражданской войны, потому что «тотом его пришла (I) деревня» (как будто можно было всю гражданскую войну тифом боест). Боев и Белов оба теперь мастера-прокатчики на одном заводе. О Боеве мы узнаем из стихотворения, что он «жесток», «не любит в отпуск», «вечерная стачка», «не любит отпуск в родной деревне». О Белове — «жесток и прост», «он любит прожарить отпуск в родной деревне». Он тоже «вечерная стачка» («каждый из них ветеран стачки»), но он, Белов, выполняет план только на 90 проц.

Следовательно помимо участия в гражданской войне у Боева перед Беловым есть два «примущества»: I) Боев «жесток», а Белов «жесток и прост», который он все же «проводит в Питггорске».

«Преимущества» эти очень соизмерительны. И «жестокость» Боева, и его «испробованность» Боева для нас вообще не идеальные черты. Во всяком случае эти личные черты не типичны как черты, — помогающие выполнить план на 100 проц. Да и Белову вряд ли можно было бы сказать, что он «жесток и прост», а то, что он с удовольствием проводит в деревне, а не в Питггорске свой отпуск... (четыре из всех этих плохих черт — не имеют меня читателей и сам Т. Гавриков за эти мои рассуждения с противопоставлениями — рассуждения конкретные, но весьма схематичные. Но вы сами они тут и не могли бы быть, ибо я пока что только обобщил стихотворную си-

туацию Т. Гаврикова, ситуацию, весьма бедную идейно и весьма схематичную.

Тов. Гавриков просит не говорить о мировоззрении и схематизме. Ему кажется, что он все это хорошо сам знает. Но на деле получается иначе. Нельзя не говорить в данном случае о схематизме, но с этим схематизмом он является очевидным пороком, проистекающим из недостатков мировоззрения автора. И в чем именно, как в недостатке мировоззрения нельзя объяснить того, что главному причине успехов Боева автор видит в том, что у Боева «нет сомнений»:

«Он чувствовал в этом

Секрет побед.

«Простейший секрет

Большинства побед.

Знать «отсутствие сомнений» в выполнении промплана на 100 проц это и есть главный и простейший «секрет» его исполнения. Вот тут Т. Гавриков, любящий конкретность, сам впадает в абстракцию, находит некую общую причину, «секрет побед» и т.д.

Да, конечно сомнение в правоте нашего дела, неуверенность, раздвоенность, все это — вещи, чуждые большому делу.

Но партия указала на конкретные условия, при которых не может быть сомнений в победе. Партия выдвинула 6 стальных условий как главные «секреты» большевистского успеха и если бы наш мировоззренческий уровень, Т. Гавриков, был равен идейному уровню партии, то мы попытались бы показать эти 6 условий в действии в качестве действительных условий успеха нашего героя. Герой бы тогда получился и во все более убедительном художественно и политически. Идеальное ваше отставание и толкнуло вас на путь абстрактной схематичности и словесности.

«Казалось, обомлел одна горсть

Вдвинула (I) в сердце

Крепость кремия»...

Это чудовищно надуманно. И антихудожественно. Автор не сможет представить себе какую-то «горсть», которая ни с чего ни с чего занимается «вдвиганием» в сердце «крепости кремия». Или — смотрите:

«Боев от гражданской

Мировой сказ».

Сказ о том, что не надо сомневаться в победе. Во-первых, нельзя так сказать «уввервал сказ». Уверять можно во что-либо, а что-либо не уверять. Во-вторых, «уввервал сказ» — тонкий слух абсолютно непохожий. В-третьих, «сказ» этот об уверенности в правоте дела рабочего класса существовал, как известно, задолго до гражданской войны и т.д.

Далее — абстракция:

«И тогда же не выдержал

Волн, редут...»

Что это за «редут волн» — попорюй догадаться! Тут уже пошли конкретные нерешенные языки, словесная безответственность, «один» — один из главных недостатков большинства начинающих поэтов, присланных в «Смею» свои стихотворения.

Стихи другого автора — т. Коркила — «Трактор», «Туркменская школа», «Любовь» — грешит сухотой и голым рассудочством.

«Она у станка, словно стружка живая, (I) Такую юную комсомолка».

Сказать о комсомолке, что она «живая» — значит ничего не сказать.

«Она у станка,

И захвачу устастью,

Вступаешь в углуб до ударили сталь».

Тут уже никак словесная небрежность, безответственность, ибо если бы автор действительно подумал над тем, что он написал, то убедился бы, что написал нечто несусветное, а именно: существует устасть. По устастью быть стастью. Под ударами этой неизвестной стали устасть, приобрести некие реальные формы, наступают в углуб. Спрашивается: есть ли во всем этом хоть кусочек смысла? Нет. Понять из тут что-нибудь читатель? Боюсь, что даже сам автор с трудом поймает то, что он написал.

Во всем этом отрывке у т. Коркила есть один хороший образ:

«Оскаланы звездами сгущая ночь».

Образ смелый, свежий, запоминающийся. Стихотворение Т. Резникова (Севастополь) о матери убитого забойщика-шахтера, спустившегося в шахту, чтобы выполнить промплановый план, неудачливо потому, что неадекватно. Мать могла конечно заменить сына на каком-либо участке шахты, но не в качестве забойщика. Насколько я знаю, забойщики забойщиками и не работают. Одновременно следует отметить то, что у т. Резникова не все благополучно по части элементарной грамотности. Этим же неудачливостям недостатков грешит стих т. Митрофановского (т. Севск), который сочетает малую грамотность с неуклюжестью словесных оборотов. Например у него гармония

«Расцветает вихри в летний (2) вечер.

Внес кружок за сердце ухахати. (I)

Это так же неуклюже, как строки т. Мадьяна, когда он говорит, что хочет «повиснуть на шее у живых и на шее у безглаголющего (2) дня».

Что это за «безглаголющий» день — неизвестно. Да и слова такого нет в русском языке. Этим товарищам и т. Тихомирову (Петровское) и т. Губоному (завод №6 24) надо крепко учиться, начиная с грамматики.

Иногда невозможно рассчитать хотя бы на малейший успех в писательских начинаниях.

Ал. Жаров

ПАНИЖИДА ПО СМЕХЕ

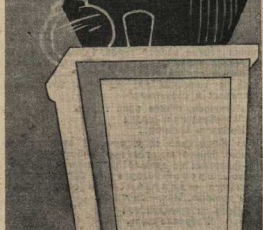
Позд революция Маниковский написал стихи о трагической судьбе человека. Убитый смех лежал в гробу, а в гробом тысячу страшное шествие провожающих: остроты долали в отчаянии пальчики, рыдали безутешный ахлетки и в безлюдной горе плыли, за остакнами потинного запалакные улыбки и улыбочки... Фантазия великого человека облекает в действительность в мертвых краях западной цивилизации, где похоронная процессия прочно вошла составной частью в любой ландшафт. Как сообщают буржуазные газеты, ранкая молодежь чехо-словацкого города Вацка устроила многолюдное инсценированное шествие по городу под названием «похороны рабочего смеха». Это было черное зрелище пролетарской нужды и страданий. На молодых рабочих были длинные локотки, жалкая обувь, одетыми глазами они поднимали каргоный гроб с надписью: «Здесь лежат смех рабочей молодежи».

Великие Вавилоны капиталистической культуры, грандиозные города-спириты с миллионами людей, с сорочкававшими небоскребами, со скаржающимися перепутыми надземком и подземком понесли страшную потерю. О потерю итается господин Гельмут Шурц в берлинской газете «Пост»: «Мы потеряли...—говорит он,— сокращение молодой и бодрей жизни, способность умиляться. Наша молодежь не смеется. Старика это должно бросить в глаза». Да, исчезла молодежь в капиталистическом городе, есть чертетье каторжной мучительной жизнью 20-летние старики, которые впадают свои дряблые истощенные тела через гурьке завы бирак труда, трупящими руками развешивают странную обвисшую набухшую шапку, приподнят из заводского потогонного пекта и валяется замертво в постель. Морщины и дряхлосте лежат клеймом на лицо капиталистического города, смех уже звучит не тем чужим и враждебным нарушением распорядка. И восьмидесятилетний специалист по вопросам жизне-нерадостности и молодости господин Гельмут Шурц не указывает причин и не предлагает выходов из положения; жалобно скулят: «Наш мир, старый, добрый, веселый западный мир сдвинулся и осунулся. Девушки и парни наших склади не смеются. Но здесь ни дева в белитке где молодежь смеется,—ведь она смеется фашншным оскалом зубов! Случилось нечто странное. Развербист в этом все, что поимаме заплетаемость полтора о молодости нан дряхлости человечества».

Старуха—годовалая смерть продолжает свое шествие по капиталистическому миру, распаштановому неванданым криком. Может ли смеяться молодой рабочий, если он болен туберкулезом, если его ота ота убили гитлеровские бестии с черепами на партийных флажках, если его безработная сестра начала возвращаться к труду с синими кругами под глазами — профессиональным признаком, нестерпимым во веки? Мистер Пичот в бостонской газете «Финанс Транспирит» сознает: «Мы знаем, что в голодном и в мирном мире не может быть расстроено, но никто не рассчитал количества умирающих. В Пенсильвании около миллион безработных, из них половина — молодые люди. На практике это значит голодное вымирание. В Филадельфии например семья безработного получает 4 доллара 35 центов — в спочоужествовании. За один год количество детей иношей, заболевших тяжелыми болезнями на почве недодеания, выросло в школах Пенсильвании на 30 процнта. В газете «Форт-Йорк Таймс» мы читаем братские советы «Ассоциация молодых христиан» молодым студентам «из бедных семей» на текущий год прожить не голодом, на 25 долларов в неделю. Вассание умы на добродетельной ассоциации не укаывают конечно, где же взять голодомому студенту эти 25 долларов. И попоробите вымать студента в такой мисеробной момент хотя бы подобие улыбки! Под какой мрачный народ эти бедняки—не хотят ни за что смеяться! Кайка омаида для Гельмута Шурца!»

По заводскому «Ленс, самоубийства в Лос-Анджелеская газета «Экспресс Моранды» сообщает о жутких трагедиях молодых труженников, выброшенных кризисом за борт жизни:

«22-летняя Софья Карасинская, урожденная со слухом, скончалась, проглотив бритву. Работница на Марина Валевская выбросилась из окна четвертого этажа. Работница Ирена Дитрих перерезала себе горло бритвой. Пассажиры, ожидание поезда на станции Лодзь-Фабричная были свидетелями потрясающей картины: ка-

Гоманский министр Вилд намечает путь к приходу...

кой-то мальчик на глазах местной полиции выхватывает револьвер и выстрелом в лоб размазывает себе голову. Самоубийца—14-летний Станислав Вальдак из рабочего предместья Грועц.

Пелезонский «Роботини» пишет о том же: «22-летняя Галина Костко, бедняжка-работница, отравилась ядом на железнодорожной станции Воломин. На линии Яноуэно—Крakov молодой вепчик Эдвард Митки покончил

жизнь самоубийством, перерезав левую руку коной проволокой и забросив другой коной проволокой на электрический провод. Пассажирский вагончик. Новод к самоубийству—отчаянная нужда».

Генералы, полицей-периданти и убежденные сединами профессора принимают деятельное участие в обуздании положений рабочей молодежи. Спайт Бемичи, член парламента, вымирание не уменьшит количества этих проклятых молодых безработных, но надо принимать искусственные меры! Министр германского правительств Фред Меттатюль заявил: «Если бы внезапно в одну ночь умерло 20 миллионов немецких граждан, Германия была бы самой богатой страной в мире».

Крупнейшие светила западной науки в своем беспрерывном по цинизму меморандуму указали: «Мы должны предоставить в рабочем и правдо в убыток во все, что бо смеяться и обмануть». В самом деле, что может быть бесплезней безработного молодого парня, к тому же, может быть, связанного с коммунистической организацией? Подковник Бекста в Чехо-Словакия оправдало, отряда, что его злоное вымирание некоторой части незанятого населения, если бы такое вымирание было налицо, может быть смысл в том, чтобы избежать наших судеб, так что здесь не следует поднимать особо резкого воая. Светила науки выступают с трактатами и учебными трудами на тему о голодом и о том, как и можно смеяться, о рационализированном вымирании, о вымирании, поставленном на твердую ногу математически.

В Нью-Йорке на собрании чешской экономической ассоциации выступил профессор экономики Поль Ганна с докладом на тему: «Как научить бедняков есть поменьше в период кризиса». Селозавый мудрец с тестобразным затылком и пышным животом возбудил блестящими аргументами, он привел бесчисленное множество примеров из жизни писем и народов, которые едят всего один раз в день и умирают, выказавшись. Он указал, что молодежь при определенной тренировке может научиться явнее долгие носить обувь и платье. И чтобы все эти голодные умирания пошли на пользу масс молодежи, профессор предложил специальные уроки экономики и голодания во всех школах, университетах и клубах молодежи. Доктор Ренинга Вилдак внес издательское предложение о обеспечении ассобей возможности по иронитанно нуждающейся молодежи,—эта мера имеет своей целью заставить молодежь находить себе пропитание. Нецедая «Берлинер Тагесблатт», ставшая мировое зрелище своим редакционным либералом, нечеловечески членовым профессорам и сентиментальным приват-доцентам, докжывает в своем специальном приговоре «Ди Брюкке» что спастись молодежь от голодного вымирания раздачей хлеба невозможно, ибо целый ряд аргументов говорит против. Вот «буквальное перепищение их»: «1) не лишней каждой жив человек. 2) уменьшение реинке к труду, 3) нельзя вторгаться в свободное хозяйство, 4) обеспечить хлеб».

Итак, может ли смеяться рабочий молодежь в такую эпоху и почему эта молодежь не может достать удовольствие г. Гельмут Шурцу своей сияющей внешностью?

Господин Шурц, похоронная процессия за гробом погребай молодой либеральной интеллигенции берет весь мир, собирая в своем потоке миллионы людей разных наций, верований, профессий. Единственно, где эта процессия не может иметь участия, это в процессии богатого и буржуазных экономистов. Стране советом, где молодой рабочий смех не только не уместен,—он живет, он господствует над трудом, багаты миллионами людей.

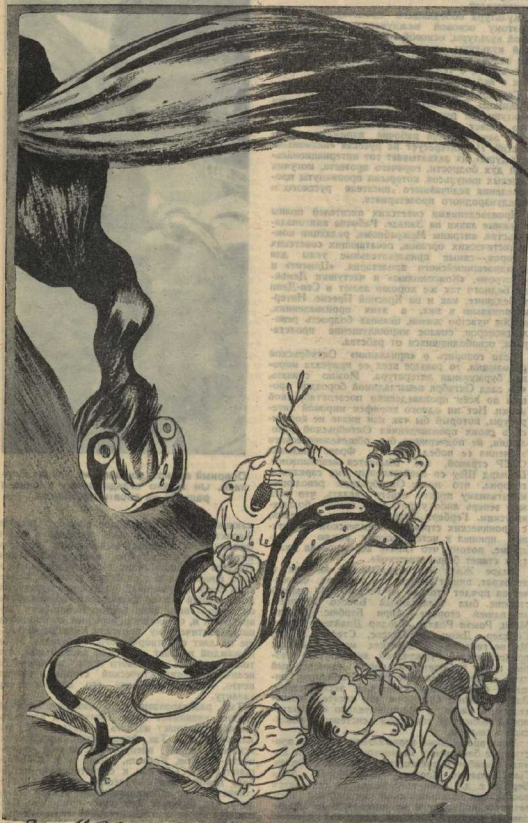
Об этом вы в своих газетах не пишете. Водружайте же на нас писание, благодарные дельцы, читающие газету «Пост»: в газетных объявлениях молодой человек с мешком книжкой в толькото иудее ищет благодетеля и покровителя в три рубля. Такой-то верзипа получил такое-то наследство. Такой-то рекордмен с сечью узник, или в своем широкой славной газете похвалит студента, столько-то и похвалит. Конечно за всем этим делом не разгадывает похоронной процессии чудотворной панхимы по смеху.

За эту панхимку в будущем придется очень тяжело расплачиваться генералам, полковникам, рационализаторам великого дела всенародного вымирания. Рабочая молодежь мира будет смеяться.

ЛЕГКА НА ПОМИНЕ!

(Посвящается легкой кавалерии)

Тут смисл случившегося проот

И все ни глазам не верю я!

Породо мной... солидный хвост

А где же навзрелия?

СТАРОМУ

НАМЕНЦИНУ*

Дождавшись второго свистка,
мы вместе работать идем:

я —
в мастерскую
к тискам,

он —
заканчивать дом.

Он зовёт:
пришла весна,
и время нельзя терять,

Кирпич, чтоб роса стена,
ложится на цемент
в ряд.

Он

руки своих

несчастный труд

умет и дело вложить.

И с каждым днем растут

кирпичные этажи.

Он

не один в труде:

с ним вместе встают

и друзья

работают полный день

товарищи по бригаде.

Под самый

под небосклон

гнулись этажи,

старик

и такие, как он.

в них будут

просторно жить.

После рабочих часов

ребята

дружно поют,

среди молодых голосов

в голос его звучно.

Он стар

и силы уся,

но все же —

не с ним сучать!

И с клемщиком,

как сын,

я пью

неоставший чай.

И говорю о дне

прошедшем с потным лицом,

а он: «Тебе бы ко мне,

ты был бы хорошим спелем.

А я говорю:

«Признав

Андрея надо понять.

Безь транспорт

и посейчас

в хвосте продолжает стоять.

Обида берет до слез:

оставить тиски, уйти,

смотреть, как большой паровоз

стоит посреди пути?»

И я говорю:

«Придут,

придут и сметят тебя —

фабзавуч готовят к труду

резерв молодых ребят,

и спор ни к чему». Старик

смеется кирпичным лицом.

Помудра горит фонари,

спичку с ням,

как сын с отцом.

Давольно!

В руке рука.

Протислясь, решив на одно:

мне

застря

итки в тискам,

а другу — заканчивать дом.

* Стихотворения А. Астрины — молодого поэта, обладающего исключительными способностями — опубликованы автором в журнале «Меня» с бригадиром П. Обладендером.

КОЛЬЕ БЕЛЫХ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура капитализма всегда была национальной. Несмотря на обилие всевозможных интернациональных институтов, обществ, организаций, несмотря на обилие международных связей, в основе этой культуры лежала органически присущая капитализму борьба за свой национализм, гонимое, за свое национальное, конкурентоспособность против других, национальных же соперников. В капиталисте, предпринимателе, в крупном банкире, возвращающемся с деловыми трестами и кораблями, в гонимых его сознании аждаха жила всякая мальчишка, которую всегда вешают в горло своему более или менее счастливому соседу.

Мононационалистский капитализм интернационален. По своей природе своей он враг национальной обособленности, он стирает границы, перекарывает карты, поднимает один нации другим, превращая весь мир в арену интернационального капиталистического рабства. Как увязать с этим национализм и даже национально-шовинистический характер его культуры? Противоречие это — одно из бесчисленных противоречий, которыми насквозь пронизан капитализм. Скорее этого противоречия в том, что мононационалистский капитализм стирает отдельные мелкие национальности не во имя интернационализма, а во имя порабощения их другой, более мощной, экономически более крепкой национальностью, господствующей классы которой держат в руках производственный и идеологический аппарат страны.

Мононационалистский капитализм — интернациональный по масштабу своим операций — заинтересован в разжигании национальной розни, потому что эта рознь укрепляет его господство, мешает сплочению единого революционного фронта угнетенных наций.

Черты бешеной шовинистической пропаганды пронизывают всю современную упадочную культуру капитализма. Шовинистическая культура упадочна по своему существу. Она не имеет перспектив. Она тянется в прошлое. Идеалы — С. Шпенглер с его «последним римским салатом, умирающим на посту».

Пролетарият интернационален и во духу и во форме своего социального уклада. Его обобщает международное рабство капиталистических производственных отношений. Разрывая цепи этого рабства в одной стране, он приобретает брешь в мировой системе капитализма, он ослабляет все его фронты, он в конечном счете делает интернациональное дело. Октябрьская революция, освободившая трудящихся

России, была величайшим интернациональным выступлением пролетариата. И первым ее актом была призыв к международному миру и к международной борьбе угнетенных против угнетателей.

Культура победившего международного пролетариата стала поэтому основой грядущей международной культуры социализма. Социалистическая культура — по содержанию и национальности по форме — это вместе с тем общечеловеческая культура, как о ней говорил Сталин.

Горького называли «замечательным русским мужиком». Заграничные критики увидели в нем нечто отличное от русского. Но почитайте, что пишет «Коминтерн» провозвестникам Горького занимающимся рабочие парижских предместьях. Их интересует не русская «национальная душа», их захватывает тот интернациональный дух бодрости, горячего протеста, могучих помыслов и надежд, которыми проникнуты произведения величайшего писателя русского и международного пролетариата.

Прозведениями советских писателей полны книжные лавки в Западе. Рабочие книгоиздательства, издательства Мехрабона, редакции коммунистических органов, печатающих советских авторов, — самые привлекательные угмы для западноевропейского пролетариата. «Элементы» и «Рабочая» «Комсомолю» и частушки Демьяна Бедного так же хорошо звучат в Сен-Дени и Вединге, как и на Красной Пресне. Интернационально в них, в этих произведениях, острое чувство жизни, цельная бодрость революционеров, смелое мироощущение пролетариата, освободившихся от рабства.

Если говорить о «признании» Октябрьской революции, то раньше всех ее признала мировая буржуазная литература. Можно сказать, что ссад Октябрьская интернациональная борьба прошла по всем произведениям послеоктябрьской эпохи. Нет ни одного корифей мировой литературы, который бы так или иначе не констатировал в своих произведениях Октябрьской революции, не подчеркивал бы общечеловеческого значения ее побед. Аналог Франсуа изваяла СССР страной, где «была невозможна». Бердяев в своем сочинении «Смысл культуры» говорил, что после Октябрьской революции капитализму просто нечего делать, что весь мир теперь либо умрет, либо станет большевистским. Герберт Уэлс, начав с сомнений, с иронических строк о «русском мечтателе», пришел к истерическому воплю о фашизме, потому что «иначе вся мировая культура станет большевистской».

Андре Жид, мелкобуржуазный либерал и демократ, пишет сейчас, что спасение человечества придет только из России. На нашей стороне был талантливый Бласко Ибарбас, на нашей стороне — Анри Барбюс, Генрих Манн, Ромэн Роллан, Теодор Драйзер, Энтон Синклер, Джон Дос-Пассос, Стефан Цвейг. Мы не говорим о десятках менее заметных представителей буржуазной литературы, которые видят в советском союзе единственный путь спасения человечества от кризисов, нищеты, безработицы, угнетения, эксплуатации. Влаховичевы Октября, эти тактики, становятся пропагандистами злопыхательской системы и советской культуры.

Даже враги, даже злопыхатели, даже те пристрастные банкроты-мечтатели, которые не понимают Октября и клеветают на него (Мак Орлан, Гюэ Уольфогль, Клодэль, Поль Моран, Анри Бери и т. д.), сами того не желая, становятся носителями большевистской культуры, ибо пролетариат подхватит к их литературным фальшивкам со своей хорошей классовой меркой: скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты.

Литература — не единственная отрасль культуры, где влияние Октября сказывается как могучее интернациональное начало. К многочисленным писателям, вдохновляющимся от грядущего изживания октябрьского восстания, можно было бы прибавить крупнейших художников (Кете Колычки, Мазерель, Георг Гросс, Диего Ривера), скульпторов, архитекторов, ученых, композиторов, артистов (Писатель, тор), часто очень далеких от нас, но несомненно

Оперный артист, поющий на улицах Берлина. Он надто углубляется в окна в расчете на досиль пфанингов

влияющих на себе стихийное влияние Октября. Характерный пример был приведен в одном французском журнале: выдающийся представитель художественного модернизма Пабло Пикассо по ночам сидит у своего многоголосого приемника и с упоением слушает Советский союз. Изящный буржуазной культурой, он прошел весь цикл экспрессионистских извращений и, отычавшись, вернулся к скромному натуралистическому портрету. Капитализм больше не дает ему творческой материи. И он с каждой весной на СССР, рассчитывая, что только отсюда, из нового мира, заряженного величием социалистической стройки, придет нечто, что даст разрядку его кустенному таланту.

Так, разочаровавшийся в капиталистической «душе» унизимый Жюль Ромэн под влиянием СССР как к единственному источнику новой общечеловеческой правды. Осуществляется старое «пророчество» Джуса Лондона, что будущее культуры придет из России. Но Джек Лондон слышал это будущее с милой «славянской душой», история же сделала русского пролетариата носителем передовой интернациональной культуры.

Не случайно замечательный французский архитектор Корбюзье приезжал в Советский союз, чтобы ознакомиться в героическом богатстве новых строительных форм. Капитализм, исчерпав себя в гигантских бездушных сооружениях, являющихся многоэтажными рабские казармы, начинает выныривать пятиться назад в строгий вокалы в стиле — мечется при радиостанции в форме, пирамида. В Нью-Йорке несомненно

Вот такой он, капитализм! Из работы пиетиста Бернгарда Што

банков воспроизводит стиль — эвклидовский баптин. Формальная гипотеза капиталистической строительной культуры — то, что отражает ее идеальную пустоту; доведенная до пределов индивидуальной быт делает немалым производством мегуэн строительных форм, характерных для германского и французского архитектуры античной классики. И потому-то конкурс на строительство Дворца советов вызвал также широчайшие отклики во всем мире: гитанские художественные начинания, распадающиеся типические планы — только — доступны только стране строящегося социализма. Художники, писатели, артисты эдут сейчас в СССР, как когда-то ехали в Италоию: величие и монументальность новизны, живящих в форме, так же являются художника слова, кисти и жеста, как его влохлявливали уцелевшие в Италоию испанские формы античного Рима.

Новые, социалистические ритмы привлекают и детской науки. Нигде за последние годы не проводилось столько международных научных конгрессов, как в Советском союзе. В целом ряде дисциплин (наука об Арктике, биология, геоэкология, общественные науки, археотехника, языковедение, метеорология) проводятся для мигу эн ряд первоклассных работ, легших на основу исследовательской деятельности крупнейших мировых научных аппаратов. Изучение Арктики советскими гидрографическими судами, исследование островов Северного ледовитого океана, открытие целого ряда новых земель, изучение пустынь и дельбей Средней Азии, Алтай, Кавказа, Приамурья, изучение флоры и фауны мезонезских водных бассейнов, открытие новых геологических залежей железной руды (каменного угля в Сибири, железа в Подмосковном бассейне, цветных металлов в Казахстане, никеля на Байкале, апатитов на Мурмане, нефти в Башкирии, калия на Урале и т. д.) являются гигантским вкладом в мировую сокровищницу науки, радикально изменили представление о России в глазах западноевропейских и американских ученых и исследователей. Удивительно ли, что выдающийся ученый-виднейший германский математик Альберт Эйнштейн, мировой гигиенист Август Форель, крупнейший французский химик Бертело и многие другие стали друзьями Советского союза.

— Нигде творческая мысль, — заявил один из делегатов международного конгресса геологов в Ленинграде — не имеет такого простора, как в Советском союзе.

Но мощнее интернациональное влияние Октября сказалось не только в том, что возрос удельный вес нашей страны в мировой культуре, не только в том, что плодами наших достижений пользуется все передовое человечество, в Советском союзе радикально изменилось самое отношение к культуре. Из служанки капитализма она стала участником социалистической реконструкции всего общественного уклада. Наука стала служить революции.

«Это невиданно! — писал видный американский ученый Пейтш. — Во второй пятилетке мрачный, неведомый север России и Сибири превращается в отроковую культурную страну. Это — революция».

Да, это революция! Это Октябрь! Октябрь не только стирает грани между умственным и физическим трудом. Он устранил противоречия в самой сфере умственного труда. У прелатарата нет «чистой» и «прикладной» науки: поставленная на службу социалистическому строительству, заряженная его темпами и его энтузиазмом, создающая новые общественные отношения, техника социализма превращается в могучую отрасль активной творческой мысли. «Прагер Пресс» недаром называет Днепрострой «величайшим памятником инженерного искусства». Создатели новых социалистических колоссов — техники, ученые и художники вместе. Актер днепровских конструкций, монументальные баптин магнитоносных домен, смелый влет, своеобразная индустриальная грация новых светлых заводских корпусов, они сам — плод огромного коллективного творческого труда, в котором мускулы, мозг и чувства работают вместе в дружном большинстве ритме.

Энтузиазм вносит поправки в сухие инженерские схемы, техника становится эмоционально заряженной, она превращается в искусство. В мировой литературе и искусстве после Октября сложилась новая техника, техника, воспроизводящие пафос ее ритмов (Онгетер, Курт Вейль — в музыке, Жюль Ромэн, Т. Драйвер, Арагон — в литературе и т. д.).

Советская культура впервые показала миру эволюционное содержание труда. Капитализм

с его колоссальным инженерным аппаратом воплотил в художнике, писателе, творце предложение перед машинной, страх перед созданными им самим силами. Типичный пример этого — механические романы Пьера Ама. Урбанистические, городские мотивы футуризма с их святой истинной машиной, творчеством человека. Но в последнем счете решал всетаки человек.

Советская культура показала миру человека труда, организатора трудового процесса, хозяина машины.

Обширная мировая пролетарская литература — детище нашего Октября. Иоганнес Бехер, Карл Грюнбер, Беда Илше, Франц Вайскопф, Гарольд Хезлон, Жак Туссель, Майк Голд, Коуд Ман-Кейх — все они, немцы, французы, американцы, англичане, негры, вышедшие из гигантской фабрики рабов, питомца социалистического строя, носители величайшей мировой культуры, начало которой положили «крестьянский металлист». Плоды их труда — семена нового интернационального воспитания, которое стирает нелепые национальные предрассудки, объявляет войну шовинизму, делает культуру функцией интернациональной борьбы пролетариата за социализм.

Невозможно в одной статье перечислить все разнообразные стороны идеového воздействия Октября на мировую культуру. Это влияние проявляется часто в быту, в мелких подробностях эстетского уклада, в разнообразных явлениях международной общественной жизни.

Исключительный интерес к русскому языку в рядах прелатарии и передовой интеллигенции Запада. Карледа русского языка и русской литературы в Париже — одна из наиболее последних вещей. Десятки советских слов, вошедших в международный литературный язык: совет, большевик, рабкор, комсомол, испокон, чека, совнарком, колхоз, ударник и т. д., многочисленные организации, клубы, детские дома им. Ленинга, «Буденновская», «Смена товарища, в ногу», «Молодая гвардия», «Наши паровоз летят строем», которые проявляются в автомобильные шумы берлинского Велдинга, парижского Сен-Дени, варшавского «Волна». Культура рабочих демонстраций — сколок с октябрьских массовых выступлений русского прелатарата, демонстраций, ставших постоянными гостями капиталистических столиц.

Культура Октября — колыбель новой общественной культуры, национальной по форме, интернациональной и социалистической по содержанию.

Ванротство буржуазной культуры, исчерпанной все свои формальные и идейные масштабы, иудей материально-идеальной основой в прошлом, приводит к гигантскому расцвету этой новой культуры, социалистической, интернациональной культуры будущего.

Я ВЫХОЖУ НА СЦЕНУ*

В ветхих досчатых театрах
тепла нигде не вьезд.

Холод

в оставшем парке,

осень

прывьется в шели.

В нашей уборной — зямьять.

Голая кожа гусец.

Схвачен живот трусами,

схвачен,

завьнут тесемкой.

Сердце бьется неровно,

музыка сушка комылет —

Шуберт,

Моцарт,

Бетховен

рядом жьнут и дышат!

Амовец, динамовец —

в зале

с косями ридями,

И согрывает танец

Теплыми их глазами.

Знаю —

принял не за этим,

чтоб смаковать бел меры

голых красавиц балетных

и расписных кавалеров.

К живым людям представляемым

подходить

другим порядком:

в них поперхнут умеют

к бою,

к труду зрянку.

В нашей работе тоае

мишуру украинной,

вод

гримированной кожей —

упорство в труде,

в достиженьях.

Мы на жизнь и работу

имеем равное право.

...Слышу со сцены голоса:

— Испокон О — на и Благои!

...Ответственность за работу

гордости равноценна, —

Вот почему

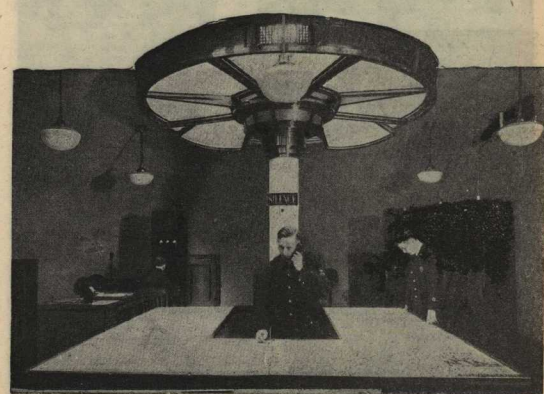
гордо

я выхожу на сцену.

—

Актор — молодой арестованный Мясоедова государ-

ственного театра пластического балета.

Культура на службе эксплуатации. Радиально-нью-йоркской пол-ции. Здесь работают электротехники доновочки, ообщающиеся с демонстрациями, рабочки волонеров и т. д.

ПРЫЖОК С НЕБА

Лондон. 1897 год. Сырость, сыкоть, туман. Моросит мелкий, холодный дождь. Гулко стучат колеса кебов о веревку северную мостовую. Еще рано, нет 5 часов, но люди из-за густого тумана идут опешью, разгребая руками сызую мглу. Юные клерки с согнутыми презредеменно позвоночниками, с обездоленными лицами, кутаясь в потерянные шапки, горюнятся пробраться быстрее пространству, отдающиеся их похотельные, холодные мансарды от банков и контор, в которых они просиживают по десять часов на высоких стульях за покатыми конторками, набывая годками работы мозоли на тонких ягодицах. Иредка в тумане мелькает тусклое пятно фонаря экипажа, потом опять липкая серая мгла затмивает глаза сырой пленкой.

Люди идут скорчившись, плотно стиснув губы, стараясь как можно меньше наглотаться ядовитого туманно-сыкнотного лондонского воздуха. Станвятся, отрывистые фразы, они исходят откуда-то из недр желудка — гулко, как у чревоуцетелей. Английский язык оче-

видно в некоторой мере обязан лондонскому климату своим невнятным, сызвоз зубья проценженным гулким тембром.

Сильнее тумана все больше и больше набукает темнотой и влагой. Внезапно пририне прохулки, отсырелой погоды было разрушено криком и шумом сбегашеющейся к маленькому повисшему магазину толпы. Вероятно кто-нибудь в тумане сплело экипажес. Но нет, слышны хохот, свист, вой, удольники и тогот; оказываются лондонские джентльмены могут достаточно широко раскрывать рот, разрушая привидение понятия о члоронной снуктоустом дилекте, и уснащать свою речь слювечками, свойственными в остальных странах только работникам туевого транспорта. Предметом внимания лондонской толпы был высокий сушоцаний человек с узкими обильными плечами, судорожно сжимавший когтявыми желтыми пальцами металлический стержень, на котором было раскинуто надобное легкое восмимотное перепончатое переритие из шелка. Тогда гогогала и улюлюкала,

блезнее экспансивные джентльмены детали попытки попасть в бледное лицо человека комками жирной, упитанной мякотиозом грузи. И если бы не изобретение выделительных азотистенного альбурдита, первому изобретателю зонтика пришлось бы очень плохо от разрезной толпы лондонских джентльменов. Конечно это крошечное и српгнотное человеческое создание не было особенно высокими помыслами. Может быть это была вылазка блатного мавниного техннзима. Может быть это был также своеобразный акт протеста против зашкваренности лондонского английского консерватизма. Прошло несколько лет, прежде чем зонтику суждено было стать радикальным защитительным средством от дурной погоды, и он завоевал мир, как его теперь завоевали интернациональные орудия быта—примусы и бритва жиклет.

Величайшие изобретения, взрывая своей мощью целые эпохи, разрушая старые, создавая новые общественные отношения, рождаются и питаются осязательной силой человеческого—общественной необходимостью, и если таковой нет, изобретение, как бы величало оно ни было, суждено распылаться прахом. Лондонский гулкий человек, набывая годками работы мозоли на тонких ягодицах, был исторически слобеснейшим изобретателем если бы его принцип, заключенный в стальной корпус паровой машины, не был могучим орудием триумфального шествия молодого и изобретательного тогда человечества. Величайший человек с отчаянной смелостью бросился на небо на полотняных крыльях с вылазачными парусами внутренностями тгажегола сгабосильного мотора—он был беззащитен и горючен. Утан на землю в рунках онидале он умирал в величавом сознании своей победы, и это было замечательно. Но и теперь, когда в небе по-сенному сукуно, тоинит в бумажные бумажки степенные благоухающих пассажирских герояка неба не иссакает—она принимает только иные формы. Воздухоплавание завоевало человеческое доверие, и теперь в пассажирский самолет садится с таким же суетливым равнодушием, как в поезд Москва—Хамма, только в аэропорте властвует идеальная организованность и потрясающая чистота.

Нервный, трусеный пассажир долго и горюмо трясет смущенному летчику руку, умоляя его потянуть замкованными глазами «взлетать поосторожнее». Такую пассажиру нужна гарантия: присутствие своеобразного воздушного спасительного круга—парашюта, только он может вернуть ему потерянное человеческое равновесие. И когда его подводит к сиденью и указывает пальцем, скажут: здесь, здесь лежит парашют, пассажир, успокоенный, садится в кресло и летит. И даже самые нумерные вересные ухабы, подъемы и ныи (небесные дороги, нужно сознаться, значительно хуже вшитых гидронированных дорог) не могут сринуть с туб пассажира синхсодительной доброй улыбки. Но он знает, что в случае чего — он прыгит и готово, плавно и спокойно спустится на землю на парашюте. Правда, спокойствие и плавность спуска—это понятие относительное. Но факт, что при жизни человек был зашкварной техникой парашютизма человек может иметь гарантию благополучного спуска.

В кровавые годы завоевания человеком воздуха авиатору при мелейшей аварии грозила бессмертная смерть. Он был так в воздухе, беззащитен в своем герояке. Теперь, когда лет по большим небесам дорогам становится легче от синихого большого авиации, авиатор на мощном аппарате, где каждая саучность продумана и направлена высокой техникой человеческой мысли, может не только сам благополучно спуститься на землю на парашюте, но и спуститься на более мощном парашюте самолет с амальгамованной мотором. На пассажирских самолетах есть парашюты, на которых можно спускаться целыми коллективами. Как же так, когда люди падали на землю, никто из них не оказывался в своей хотя бы относительной безопасности? Вель принцип парашюта был известен человечеству еще задолго до авиации. Еще в XV веке великий Леонардо да-Винчи дает целый ряд практически выполнимых проектов парашюта. В 1797 г. французский воздухоплаватель Гаррериэ, выбросившись из корзины аэростата, производит высоту 1.000 м: благополучный спуск на парашюте. На протяжении затем более чем сорока лет аппарат этот стоит вне интереса людей, занимающихся авиацией. Парашют является достоянием акробатов и кинатоходцев. И только мировая война 1914—1918 гг. вынудила из архивов истории старую, забытую парашют. Правда, единичные исследователи

Парный прыжок летчиков Минова и Манковского

КАТЯ БЕЛОВА

(Из поэмы „Поль Дорнаель“)

Знаменитый изобретатель Павел Дорнаель провозглашает в СССР, уверенный, что Советский союз, окруженный вражескими государствами, должен существовать себе самостоятельно, независимо. Об этом он хочет рассказать поэмой. Но в СССР он встречается с опьяненным и влиятельным в будущем, в своих силах. Он изобретает — откуда эти силы?

По СССР его сопровождают аспиранты Института мировой культуры Катя Белова, молодая поэтесса парижан, большие плауны. Представляются, описываются же встречу с Дорнаелем и едет на его родину. Повторяется поэма развивается в форме «диалога».

Катя Белова!

И я с ней в бригадах
Работал неугомонно.
Тогда выражение «дорнеем гадов»
Было ее любимым.
Тогда заграничу она презирала,
И чужа и завывающая галстуки цветные,
Она дружелюбно мне указала
Тяжелой своей рукой.
Но слышнее все субъективно это.
Сравняла максислов, Бабю, Катя!
И я срочно зову анкеты,
Чтоб вывести в поэму тебя.
Традиционная,
Уже старина,
Сурово гремит она:
Фамилна? —
— Белова!

Имя!

— Екатерина!
В третьем году рождения.
Прошла через вуз твою биографию
От фабрики и партизан.
Но, не глядя в анкетные графы,
Каждый бы так сказал:
— Растит ее, ругая и вылагая,
К власти пришедший класс.Гений Поль Дорнаель,
— а она такая,

Каких миллионов у нас.
Друзей разлучает без саез и горя
Всесезе время мое,
Париж в московском трамваемом море,
На-или-и увидел ее.
Нас свеа январь, остановка, вечер.
Ветер Московск моей,
Позднее знакомую и эту встречу
И эту беседу с ней.
Она представлялась мне
Аспиранткой

Института
Она говорила
Мировой
И, говоря о своих талантах,
Покоснялась над собой.
Галог вспоминала режиссу,
Слова ее стали легки.
И только осталось тяжелым,
— прежимам,

Показание ее речи.
Проплясь, попала на горе свое
Назад тому две недели
Директор звал и назначил ее
Сотрудницей Дорнаель,
Она отказывалась, приятная,
Она заявила в ответ,
Что Карла Маркса она читала,
А Дорнаель — нет.

Она говорила:
— Мне очень страшно.
Ведь он хотя буржуазный,
— но бандит,
А я proletарский, —
но человек.

Он мнителен,
в ушах моих венок атланта,
В бессмертном времени величия,
А я и его многогранной Душе
Приставлена в Беатриче.

Он мнителен,
он дулет дней через сеть,
А у меня — нагузани.
И мудрость его не успею пронести
Ни по-русски,
ни по-французски.

Как покажу я этой птице
Профиль моей страны?
Мне по ночам уже нинали снится
Тысячи странных, как sogno,
Прошла через вуз ее биографию

От фабрики и партизан.
Но и не глядя в анкетные графы,
Каждый бы так сказал:
Растит ее, ругая и вылагая,
К власти пришедший класс.
Гений Поль Дорнаель,
— а она такая,
Каких миллионов у нас.

Поезд отходит! За ним в погоне
Петлен Асигт — скорее!
И вот она вспыхивает в вагонах,
И поезд вылетает во!

— Орудуяимся! Ночи глазами
На маэно на нашу галдани.
Только смелу яду партизан,
Знамена гремят!

Паром ее паровоз прохрипела,
Высвистывая в постелый галд.
И Катя Белова шепчет в купе:
— Знамена гремят!
И сверхпронителенными глазами
Классика галдит на вес, тих:
— Вот вы юсте о партизанах,
Женщина! —

— Знаете ли вы о них?
— Я-то?
И Катя, вспыхнув румянцем,
Шепчет, вольнеем зена:
— Две луны, доставленные из Франции,
Пытались убить меня.
Летом горячим
Зимою морозной
Бродили отряды по рубежи.
Но поздно.

Заселмы и полночь!
Поздно.
Я вам когда-нибудь расскажу.

3

— Катя складывай
— Посудашесь вас — жуть.
Вы меня спрашиваете о партизанах.
И я вам о них расскажу:
Вот здесь — на Урале,
— ралом,
Четырнадцать лет назад,
Мы шли со своим отрядом,
И наш окружил отряд.
Бродили надуш в лесных номах,
Стрельба с четырех сторон.
На север — Колячи,
на восток — Колячи,
На юг и на запад —

Красных именина! Абледа дук,
Рассынается наша месть.
И враг наш подобраывает саух,
Что пала советская власть.
Но когда получились ее огни,
Что власть Колячи все шире.
Ползут провокаторы,
шепчат они:
— Славятся, безумцы —
ведь вы один,
Один во всем мире.
Однй — на пороге российской зимы.
Во власти голода, братель!
Но мы им не сдаем. Решаем мы
Ити напролом,
даться.

И вот не полнелш —
в ду!
— в ночи ли:
Атвк, шарипель, наступаемые.
За две ночи и получаю
два разрывающихся рашения.
А в третью ночь
на своих, на двоих
Бегут колчаконны, снимая посты.

А в третью всеелую ночь
нит их
Восстанием взрывается поч.
А в третью ночь

И не перим глазам —
Идут к нам восставшие:
Соединить!
И там, где было пяти партизан,
Становится сто,
не меньше.

Теперь понимаем в чем дело, упрямки?
Твой к бою готовится класс.
Его офицеры слыны.
Он ищет,

И он окружает нас.
Уже календарь набухает войной.
Движутся танки, грозы.
Но знаешь — за вражеской стеной
Стеною стоят дузузы.

Он склад м горло, твой старый класс.
И власть впаив ни постылая.
И если вы с фронта ударите нас,
Они все ударят —
с тыла.

Первый момент раскрытия парашюта после выдергивания кольца

продолжали работать над парашютом и до империалистической войны. Среди них нужно отметить изобретателя Г. Е. Котельникова, который еще за несколько лет до мировой войны разработал хороший образец парашюта, с честью выдержавший потом испытание. Перепончатое чудовище, распростертое над голубой лондонского чулка и разорванное на восточной толпой, легко перекину маленькую трагедию вливанного человека. Оно заняло прочное место в домашнем обиходе всего населения земного шара, оно заняло почетное место в одном из самых всеначинающихся заповенин чловечества — воздухоплавания. Предельная скорость падения человеческого тела 200 км. в час. Самолет басыо клокочет прополетом, захлебываясь в синие асы. Авиатор с головой в кожаном племе удивительно моргает инструктору, потом становится одной ногой на борт, за спиной у него сложенный в пакет парашют, груз, опасная ножными лямками, правая рука прыжкая к груди, пальцы крепко стискивая вытасное кольцо парашюта. Слегка откинувшись назад, авиатор делает прыжок и ныряет вниз головой, в 150-метровую глубину. В среднемнеломь лете сквозит непоколебимый покой: неба человек испытывает вначале словно желудок, похолоде, платно припадает к позвоночнику, дашнее спрощает, в галаху — яркое тошнотное голубое бездонное сверканье; резкий прыжок за вытасное кольцо, и желтоватый купол парашюта распускается линующей телью над головой. Прозрачная тутая пружиная воздушка туго и плотно ударяет в парашют. Толчок подбрасывает человека вверх на шелковых стропках. Потом плавное парашеде скольжение вниз. Авиатор уже сидит на подвесных лямках, склеив вниз ноги, покачиваясь, как на качелях. Огромная спокойная теплая земля радужно вспыхивает наверху. С курчанием все выхватывает सदвиненый воздух через подвесное отверстие парашюта, сделавшее для смягчения удара при раскрытии и предохранения парашют от западения с боков при расклатывании. Пронзая метры арослудобой, прозрачной спиной глуби, разбегиваюто осслителенными кланками солнечных лучей, парашютист окунается в густой, сладковатый дурманящий теплй запах тучной земли. Туго стиснута над головой рукавич подвесные лямки, парашютист ожидает момента касания. Огромная, необозримая земля бросается под ноги, резким сильным движением парашютист подгибает себя на руках вверх, толчок смягчил, и теперь можно спокойно завалиться на четное поле, усевшее маленькими ниванными желтыми цветочками. Парашют вялой, неуклюжей грудой тьмани и копошь лежит тут же. Величественный, беспресловый и походный в пессе, он здесь смеюло и расползся

БЫТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Обсуждаем письмо о „молодых старичках“

Одиноки

Михаил
Кирилловский?

В № 14 «Юности» мы посетили на образцах читательского письма комсомолец Михаил Кирилловский из г. Свердловска. Это письмо было вычитано под названием «О молодых старичках». Автор письма жаловался на то, что большая группа, состоящая из студентов философских факультетов Маркса, Энгельса, Ленина и т. д. держится отчужденно, сухими, по отношению старческого отношения к живящим молодым.

Что доводу самого незначительного из прошедевших, — пишет Кирилловский, — могу с уверенностью утверждать, что в нем не было бы никакой пользы для нас. Но зато здесь живая температура и юность! Мы бы с удовольствием пообщались с вами, вы бы высказывали активнее всех юнцов Свердловского юности.

Сегодня мы печатаем лишь небольшую часть этих откликов. Остальные мы опубликуем в следующем номере.

Нашим читателям без разницы. В ближайших номерах мы продолжим итоги обсуждения и выведем тему вопроса «Юность».

„ОБЯЗАТЕЛЬНО НАДО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ“

Тов. Кирилловский серьезен, начитан, политически и философски грамотен, комсомолец, рабочий. Он не единственный. Но он. Нет. Быть человеком серьезным, духовно расчистым — так уже плохо, как об этом жалуются Т. Кирилловский. Надо, обязательно надо быть серьезным: наши дни, борьба, — жестокая, решающая, — требуют быть таким и ничуть не иначе. Глупо иначе думать. Я бы сказал, что в наши дни надо быть суровым, непреклонным человеком-боином: мы на войне, а на войне — так по-военному! Что за беда, если изливши серьезность, уменость, «рациональность», как выражается Т. Кирилловский, тяжеда для не которых! Они сами в этом виноваты: пусть будет настолько умен, чтобы серьезность не казалась им скучной. Теперь о другом:

Я не отрицаю любовь. Любовь, как она есть, — без романтики, прощая, без всякого непреклонного ухаживания, которое не что иное, как давно прижитый идиом, хитрый и нежный, без смеха, танцев, объяснений и др. — дружелюбие, подражаваемое под юность, — мною приветствуется.

«Я сидела чертовым, сухим, скучным человеком, как секретарь партбюрокома в «Славе» Кириша. Если как-нибудь случайно придется остаться с девушкой наедине, я не знаю, о чем с ней говорить, кроме работы, политики, науки и т. д. — сообщается в Т. Кирилловский.

Нет, товарищ! Я бы не сказал, что говорить о работе, об учебе так уж скучно, как об этом говорят ты.

Я предпочитаю быть серьезным, пусть даже сухим, пусть даже сухим для некоторых, чем — темпераментным юнцом, жеребчиком, веселым, нарядливым, смешанным «молодым человеком», от которого, так и «брызгает юность».

Ленинград.

Ва. Серажин

НЕ БРОСАТЬ, А ЕЩЕ УЧИТЬСЯ

Это письмо пишет «жаром», ослепленным, не характерным для актива комсомола, кто должен отметить в самом начале, хотя основные факты интересны и чрезвычайно волнуют некоторых, о чем справедливо упоминает автор.

В представлении обязательности молодости — буйная и беззаботная жизнь, лишняя тягота денег, после которой начинается жизнь вдвоем «до гробовой доски» и искривление потемств. Бояться в расхождении в эти и представляется нестойким. Т. Кирилловский! Но «особенные» черты (боязнь девушек, неумение приспособиться к изменившимся жизненным условиям, неустойчивость в др. — специализируют о худшем. Здесь переиграла палка. Больше вот как бывает.

Я 1912 года рождения, теперь кандидат ВКП(б), бы и секретарем ячейки, и членом бюро колхозника, и членом бюро звонка ВЛКСМ, так что знаю жизнь актива. За свою учебу по под кличками «нарксистка», «теоретика» среди красноармейских ребят, но я в театр ходил, баял, хотя и редко, но и читал, и все не в ущерб, а думаю на пользу работе.

Какой же из тебя активист, руководителем массы, если ты не бываешь среди ребят.

не знаешь их интересов, не побываешь на улице, общающейся к нашему сожалению еще тысячи молодежи? Хоть и скучнотают там, но ты наблюдаешь и изучаешь, строишь план, с чего начать, или вернее, как продолжить культурную революцию. Сообразуясь с этими впечатлениями, равновешивая работу в таких прогулках или для студента красок умчал к ним.

Рис. В. Коновалова

Любовь без ухаживания, о которой пишет Ва. Серажин

Тогда он значит, ибо «без работы, без борьбы» — какое знание коммунизма не коммунистический брошюр и произведений ровно ничего не стоит» (Ленин, речь на 8-м съезде РКП(М)).

Дальше Кирилловский тоскует о любви, о женской ласке, которая будто бы от него как активиста ускользает. Чтобы это мнение исчезло, достаточно стихотворения Жилина, неслучайного рядом с его письмом.

Я и многие другие ставили своим идеалом отношений с женщинами связь Бунчука и Анны в «Ихном Доне» или Любовича и Шуры в «Камиссаря» Ю. Либендикова, т. е. дружбу в борьбе в комсомольской работе. Тут уж связь более крепкая и без недоразумений.

Т. Гушви

НЕ УНИЖАЙ, ТОВАРИЩ МИША!

Только сейчас прочел с интересом твое письмо «О молодых старичках». Я внем с тобой некоторые общие черты и хотел бы поделиться своим мнением. Я тоже молод (имею 17 лет), несмотря на это, прочитал массу литературы из балетистки, поэтики и немного философии. Я тщательно связывал прочтенное

с пережитым мной. Многие впервые понял, и уже успел в некотором разочаровании. Это может быть не по годам работа над собой давай мне тоже замкнутую серьезность, ардеи по некоторым вопросам взгляд на жизнь и ее проявления. Я слышу и рядом сталкиваюсь с явлениями, когда меня не интересует вопрос, кино интересующий моих ровесников. Это же относится и к затрагиваемому тобой вопросу о товарище-девушке.

Но, я отношу не считаю себя молодым стариком. Я никогда не буду сожалеть о том, что «бесследно» прошли лучшие юностиюе годы. Я никогда не упрекну себя в том, что гулял с девушкой, что отдавшись зловорному чувству, я «сомневался» и не рационален в своих действиях».

Одним словом, не основывая в 20 или 17 лет узнавать. Я хочу сказать тебе, что ты не прав, считаешь, что в ранней учебе, в общественной работе в среде таких же, как и ты молодых комсомольцев, занимаешь полезным трудом, но не бравруясь этим, как твои ровесники, ты потерял лучшие годы юности.

Ты студируешь Ленина, но может быть случайно не прочел его взгляда на этот вопрос. Он говорит: «Не то, чтобы я своей критикой хотел проповедывать аскетизм. Мне это и в работе в среде таких же, как и ты молодых комсомольцев, занимаешь полезным трудом, но не бравруясь этим, как твои ровесники, ты потерял лучшие годы юности».

Да! Мы не должны быть аскетами, товарищ Миша! Мы сильном молоды, мы слышном бойды и тайм в себе такие тайники энергии, которые позоват нам совмещать габую работу с полезной работой, со здоровым куством и иным взглядом на молодую жизнь!

Не унывай, товарищ Миша!

С крестом
Г. Сервин

МНЕ РАДОСТЬ — БРАТ, А СОЛНЦЕ — ТЭЗНА!

Тов. М. Кирилловский!

Да, верно. Вы выражаетесь в своем письме, помещенном в журнал «Смена» № 14, что таких типов, как я, в комсомле не единичны. Есть еще некоторые комсомольские организации, не исключаясь личной жизнью комсомольца. Весьма хорошо то, что вы в себе выявляете положительные черты характера, как например серьезность, строгость, требовательность к себе, неспешность, неустойчивый, при ничто не скажете, не сделате, — все с расчетом. В этом нет ничего скверного.

Но весьма плохо то, что вы, как сами пишете, держались чертовым, сухим, скучным человеком.

От нас, молодого поколения, для строения нового, здорового социалистического общества требуется не сухость, не черствость, не скудность, а жизнереактивность, улыбка жизни, здоровый смех. Как говорит поэт Безмискинец, что «мне радость — брат, а солнце — тэзка». Советую вам, Т. Кирилловский, читать и познать, что такое смех и чистый смех. Маркс и Ленин, жизнь которых весьма поучительна для нас. Они свое время проводили не только за разрешением научно-философских и политических вопросов, но и чистым смехом. Маркс и Ленин, жизнь которых весьма поучительна для нас. Они свое время проводили не только за разрешением научно-философских и политических вопросов, но и чистым смехом. Маркс и Ленин, жизнь которых весьма поучительна для нас. Они свое время проводили не только за разрешением научно-философских и политических вопросов, но и чистым смехом.

Орша

Лазаренко

ВОЕНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Под редакцией И. А. Пигина

2. — РАЗВЕДКА ПРОТИВНИКА

В девятнадцатом номере журнала были рассмотрены общие вопросы боевых действий взвода в наступлении. В этом номере разберем, какими образом командир взвода организует разведку перед боем.

Правильное использование частей в бою во многом зависит от правильного их выявления на отдаленные объекты (цели) в расположении противника. Правильно выявить — это значит правильно поставить части задачи. Чтобы это сделать, нужно знать возможно подробно расположение противника и хорошо знать местность, на которой предстоит вести бой. Все это достигается разведкой.

В задачах, которые командир взвода будет ставить своим отделениям, нужно помнить:

1) сведения о противнике, 2) что будет делать вся рота, 3) что будет действовать справа и слева от взвода, 4) какую задачу получит взвод, 5) командир взвода должен решить, каковы будут задачи, огневые и тактические, возлагаются на каждое отделение, 6) где взводный патронный пост, 8) где патронный и первоначальный пункты роты.

Задачу своим командирам отделения командир взвода поставит тогда, когда (как было отмечено в первой статье) движение взвода вместе будет невозможно.

Командир взвода учтет эти возможности раньше, чем отойдет противника, и начнет вносить серьезные поправки в бой взвода. Определить время постановки задач отделениям можно лишь тогда, когда командир взвода отдал знаком с местностью. Местность он изучает на разведке, которую ведет вместе с командиром отделения командир роты, по карте, которую командир взвода должен уметь читать отдаленно, и организационной разведки, которую он высылает вперед.

Посмотрим, что ему могут дать эти способы изучения противника и местности.

С высоты, куда вместе с командиром роты вышел командир взвода, он видит: на севере в 500—600 м. строения деревни Сев. Остров; на западной окраине деревни видны отдельные бугорки (см. схему), это окопы противника; рядом с тремя соснами ярко вырисовываются два окопа. Следовательно, можно сказать, что здесь взвод противника.

Установив ширину фронта противника, где обнаружены окопы в 300—350 м., командир роты и командир взвода проводят свой вывод на основе тактики противника; что у противника восточнее высоты с тремя соснами установить не удалось, и командир роты приказал командиру первого взвода выявить это у командира взвода 3-й роты, который будет наступать правее его.

Такой образцовый совместная разведка с командиром роты дала командиру взвода, во-первых, уточнение расположения противника у деревни Сев. Остров и на высоте с тремя соснами и, во-вторых, сведения, что будет наступать правее и левее.

Но это было бы не все. Командир взвода нужно хорошо усвоить

местность, по которой он будет наступать. Что он может увидеть с высоты?

Осмотр местности начнем не от противника, а от деревни Новый Остров, где располагалась рота.

От северной окраины деревни Новый Остров примерно в 100 м. — огороды с заборами, которые спускаются в широкую ложу, открытую для вылобления с восточных склонов высоты с соснами.

Севернее огородов, в 150 м. — скаты в широкую ложу, — кустарник, закрывающий наблюдение противника. Кустарник позволяет поднести взвод скрытно к высоте с соснами примерно на 40 м.

От северной опушки кустов местность до высоты с соснами открыта и пристраивается обнаруженными огневыми точками противника.

Такая оценка местности позволяет командиру взвода так решить задачу:

— До кустов взвод взвода, не развертывая в боевой порядок, по отдалению. Вперед вышло два парных дозора — один на западную, другой на восточную опушку кустов. До их подхода к кустам взвод из огородов не выступит. Когда дозоры пройдут кусты до северной опушки, взвод по отделению направлю в кусты. Сам полду с первым отделением. Разведку расположения противника с командиром отделениям проведу на северной опушке кустов, там же поставлю задачи отделениям.

Командир роты после доклада ему согласился с решением командира взвода и приказал начать действия. Командир взвода, прибыв к взводу, проделал всю работу, которая указана в предыдущей статье, и приказал начать движение.

Через 15 минут после начала движения все отделения, потеряв всего 2 чел. ранеными, достигли кустов.

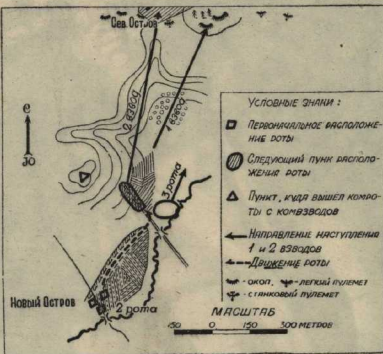
Командир взвода с командиром отделения вышел на личную разведку (точнее место дола установить сам читатель). Разведкой он установил, что с восточной стороны Северного Острова по кустам короткими очередями ведет огонь станковый пулемет. Из переднего окопа на высоте с соснами ведет огонь легкий пулемет на 3-м взводе 3-й роты, а из второго слышны одиночные ружейные выстрелы. Первые высоты с соснами на участке 3-го взвода 3-й роты он установил два окопа, на которых слышна стрельба легких пулеметов. Связной от того же взвода подтвердил эти сведения. После этого командир взвода оценил обстановку и поставил огневые и тактические задачи отделениям.

Попробуйте ответить на следующие вопросы:

1. Куда вылет командир взвода с командиром отделения на личную разведку (показать на схеме)?
2. Какие задачи поставить отделениям (огневые и тактические)?
3. Какого содержания донесение пошел от командир роты?

В следующем номере мы ответим на вопросы читателя и дадим решения по задачам, поставленным в статьях перед читателями.

Военные кружки, роты, взводы, комсомольцы, включайтесь в наши военно-тактические игры, присылайте свои решения. Фамилии участников кружков товарищей будут опубликованы, и на основе их материалов будет организован третий отдел военно-тактических игр — отдела игр по разведке противника и по наступлению.

«Я самым настойчивым образом ставлю задачу комплектования военных школ и академий лучшими членами германского краснознаменного пенного комсомола»

ВОРОШИЛОВ

На досуге

ИРОВА

ДВОР